

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

ВЕДЬМА.
ОТКРЫТИЯ

Галина Череди́й
Ведьма. Открытия
Серия «Подлунные», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68346908

Аннотация

Мир подлунных. Мой новый загадочный, опасный и дико притягательный мир. Полный загадок, одновременно и немислимых прежде возможностей и смертельных угроз и, пока, не сулящий простого романтического, девчачьего счастья для меня – новорожденной ведьмы Люды Казанцевой. Мне столько всего нужно узнать для выживания, но что-то вокруг не наблюдается толпы бескорыстных учителей, только по-прежнему одни ушлые личности, желающие использовать меня в своих целях. Найду ли я попутчиков на дороге моих открытий в этом мире магии и коварства?

Вторая книга цикла «Подлунные».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	78
Глава 9	90
Глава 10	102
Глава 11	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Галина Череди́й

Ведьма. Открытия

Глава 1

Меня омыло волной облегчения, стоило только ступить под свод арки прохода, ведущего к тяжелой двери в дом Рогнеды. В мой дом теперь. Это было совсем не похоже на прошлые два раза, когда по коже как наждачкой проходились колючие микроразряды. Наоборот, скорее уж напоминало погружение в воду идеальной температуры, отчего расслабляются не только мышцы избитого и уставшего от холода тела, но и истаивает груз на душе. Я живая, и все совсем не так уж плохо. Ну бросил меня лучший любовник, что был из-за порченной крови или вроде того, так что? Так жизнь длинная, а он у меня всего-то второй. Просто переворачиваю страницу. Просто закрываю одну дверь, чтобы открыть другую. Так? Так. И пусть не по моему желанию все это началось, но пора набираться знаний и брать события вокруг меня под контроль. А любой опыт – это хорошо. Даже такой, как у меня с Волховым и всем этим отделом. В конце концов, он мне показал, что совсем не нужно быть влюбленным или испытывать чувства к партнеру, чтобы получать удовольствие. Это ценное знание, открывшее нечто во мне. Ведь удовольствие

– штука хорошая и способная разбавить мрачность любого поганого момента в жизни. К тому же, как выяснилось, близость физическая никакой не повод для близости душевной или, упаси бог, слепого доверия. И если тебя хотят, это отнюдь не значит, что дорожат, берегут или не станут с легкостью использовать, не считаясь со смертельной опасностью. Урок мне, майору плюстик в карму за преподавание.

У самой двери, что оказалась опять незапертой, меня еще раз омыло волной тепла и прямо-таки настоящей радости. У меня даже губы разбитые сами собой расплзлись в улыбке, а по лицу и плечам будто скользнули ласковые руки. Шагнув через порог, я ощутила в полной мере незнакомое ранее чувство – возвращение ДОМОЙ. Казалось, что даже от стен исходило, ну, не знаю, ликование, что ли, и воздух пах счастьем, и все потому, что пришла я. Удивительно, как я это понимала, но сомнений не было ни капельки. Дом мне молчаливо, но искренне рад и очень-очень скучал. А вот Алька это все еще и озвучил.

– Хозяйка-а-а! Родимая-а-а! – истошно заверещал мохнатый шар, скатываясь с лестницы и врезаясь мне в ноги. – Вернула-а-ась!

Он завертелся вокруг меня со страшной скоростью, подпрыгивая и повизгивая, ну точно оставленный надолго щенок. У меня в глазах поплыло от его мельтешения и подумалось, как бы он от избытка чувств лужу не напрудил, как делал когда-то Ленкин Телепуз. Ох и набегалась она за ним с

тряпками тогда. Сейчас-то он степенный дворянин преклонный лет, и такого за ним давненько не водится.

– Алька, угомонись, а! – попросила его устало и, наклонившись, потрепала по меховой макушке.

Огромные золотистые и полные слез глазищи уставились на меня снизу вверх, а руку мою сцапали маленькие лапки, прижимая к себе сильнее. Аж сердце защемило от такого проявления его эмоций. Но только Алька увидел мое уделанное Гарпией под хохлому лицо, как его зеньки сузились и почудилось, что посыпались искры.

– Ирод проклятый! Жандарм поганый! Замордовал-таки, сатрап! Изничтожу окаема бесноватого! – угроза в его исполнении могла показаться смехотворной, если бы из меха на лапах не вылезли отнюдь не маленькие такие когти. Да и искры из глаз его мне совсем не почудились.

– Тш-ш-ш, тормози, Алька! – похлопала я его по шерстке. – Не Волхов это был. И никого уже не надо уничтожать.

Но он меня не сразу и расслышал, разойдясь не на шутку.

– Как знал, как знал ведь, что добра не будет! А как ты гада нашего ползучего призвала, так и вовсе душу мне всю изморозью пробрало!

– Успокойся, все уже закончилось. – Закончилось ли? Расследования не миновать, и мало ли что вылезет.

– Его призвала, а меня горемычного так нет! – тут же переобулся в прыжке мой слуга, меняя тон на обиженный. – Али не угодил чем? Али это чучело сумеречное меня чем

лучше? Я все глаза высмотрел, тебя выглядывая, все слезы выплакал, ожидаючи. Сердце чуть не...

– Альк, ну кончай, а! Я так устала. Не знала я, что могу и тебя позвать. Я и Фанирса наобум попробовала, и получилась.

– Да как же не мочь тебе, коли тебе одной я и подвластен! – посмотрел он на меня сначала изумленно так, а потом махнул лапкой. – Эх, да ты ж у меня темная пока. Да еще и не догада, как погляжу. Я же тебе сказал – куда ты, туда и я, только повеление твое надо.

– Ну вот теперь буду знать, – вздохнула я. – Но тогда в голову только Фанирса позвать пришло.

– Вот ты его позвала, и он шляется теперь где-то. Хозяйка дома, а он блукает где-то, валандай негодный. Али ты ему дело какое тайное поручила? – любопытно сверкнул снизу блымкалками Алька.

Я вспомнила свое последнее приказание амфиптеру и замерла. Даже возникло желание срочно связаться с Егором и предупредить, но тут же и прошло. Нафига? Предупредить? И себя же тем и спалить еще больше. Не то что бы я боялась выглядеть в его глазах еще хуже. Куда еще? Я и так убийца его драгоценного шефа, что всего лишь и хотел меня в рабстве держать и ради живой водицы для своего исцеления народу сколько положить не пожалел. Но по итогу все равно: я плохая подлунная убийца, Филлимонову – посмертные почести наверняка, как заслуженному работнику органов, а

для Волхова я навеки запятнана кровью.

Ну и не плевать ли мне, если он догадается, что гадина отправилась на тот свет не без моего участия? Должно быть плевать, но... нет.

– Фанирс! – громко позвала я. – Фанирс, призываю тебя!

– Вот, опять его. Напомнил... – забубнел Алька, а вот амфиpter так и не появился.

– Фанирс! – повысила я голос, но тут сзади раздалось покашливание.

Обернувшись, я увидела домового, что невесть откуда взялся за моей спиной и теперь топтался, мрачно зыркая. Открыла рот поздороваться, но тут же и осеклась, памятуя слова слуги. Просто повелительно кивнула, предлагая говорить.

– Здрава будь ныне и всегда, хозяйка! – забасил бородатый карлик. – Чтоб враги твои все сгинули! Чтобы казна твоя прибывала беспрестанно!..

– Так, ты чего вылез-то с речами своими, полено темное?! – тут же ревниво встал между нами Алька. – Сроду больше двух слов не вытянешь, а тут разговорился, смотрите.

– У меня сообщенье, – не смутился грубостью домового.

– Здравствуй и ты, Никифор, – я аккуратно отодвинула ступней делового Альку. – Говори, что у тебя.

– Кхм... сообщенье, значит, от змея нашего, – произнес он своим обычным басом и вдруг зашептал, знакомо растягивая шипящие: – Не являюс-с-сь я под очи твои, хоз-с-сый-

ка, потому как боюс-с-сь гнева твоего з-с-са мое ос-с-слушание невольное.

– Чего? моргнула я.

– Слова его передаю, – нахмурился еще сильнее Никифор, явно начиная сердиться.

– Да-к ты нормально говори, вот же королюбый, Луна нас сохрани! – влез Алька, но на этот раз я его одернула.

– Перестань обзывать! Своих не обижаем, ясно?

– Так я же... – тут же сделал умильные глазки кота из Шрека слуга, но я уже вернула внимание домовому. А тот посмотрел на меня из-под кустистых бровей как-то по-другому что ли и продолжил. – Мается он там в подвале, значится, прячется от тебя, хозяйка, потому как приказ твой не выполнил. Врагиню твою не загубил, как было велено.

– Эм... – запнулась я. – Ну и хорошо тогда. Отменяю я приказ. Пусть выходит. Мне сказать ему кое-что нужно. А она пусть живет. Полезет если к нам – убьем. – Во как за-просто у меня такое выскакивать стало!

– Никак не можно, – домовый переступил с ноги на ногу и покачал кудлатой головой.

– Конечно не можно! – поддакнул Алька. – Как это пусть выходит просто так? А наказать?

– Алька, прекрати! – уже строго прикрикнула я.

– Никак не можно, – повторил как заведенный домовый. – Не живет врагиня. Сама себя порешила.

– А... – я зависла, не зная, что и сказать, но после секунд-

ного раздумья с облегчением махнула рукой. – Да и к лучшему все. На нас греха нет, и опасности от нее нет. Забыли все. Зови Фанирса.

Жалко мне ее? Молодую, красивую женщину? Больную на голову садистку! Жертву, попавшую под влияние коварного мужика, которому на нее было плевать? А она бы меня пожалела хоть на секунду? И если у самой не было бы изначально дерьма внутри, которое Филлимонов романтично окрестил внутренними демонами, то разве стала бы его подельницей, даже будучи любовницей? Вот я бы стала? Очень вряд ли. Есть же границы. Хотя... я же одну из них и пересекла, пусть и не видела другого выхода. Все! Забываю!

– С-с-сдесь я, хоз-с-сяйка! – У меня чуть не вырвался вздох изумления, когда я увидела скользящего тенью над полом амфиштера.

После того как сожрал зайца, он подрос и обрел практически совсем реалистичный на вид облик, но вот сейчас снова уменьшился, примерно раза в два, и стал настолько прозрачным, что, не зная куда смотреть, его вряд ли бы и заметила.

– Что с тобой? – удивилась я.

– С-с-силы уш-ш-шли, – ответил сумеречный и опустил рогатую голову как-то совсем бессильно.

– Но почему?

В ответ амфиштер только снова печально вздохнул.

– Мне дозволю ответить, ему жалиться воспрещалось прошлой хозяйкой, – снова перевалился косолапо с ноги на ноги

Никифор, выступая вперед и как-то очень бережно погладил почти призрачную морду.

– Говори конечно.

– Он против правил пошел, когда, значит, там тебе до смерти разбиться не дал, хозяйка. Он, конечно, сумеречный, не жив, ни мертв, так что прямой власти у смерти над ним не имеется. Но ущерб много приключилось ему. Вот хворый теперь, – и домовый снова погладил кошмарненького даже в таком виде змея с нежностью, как если бы тот был его большим питомцем или вроде того.

Вот интересно, эти... существа, они ведь тоже могут привязываться и любить. А если еще и десятками лет живут бок о бок. Или даже сотнями. Дом стоит, хозяева меняться могу, а они остаются рядом.

– А помочь ему чем?

– Помочь? – тихий изумленный выдох Фанирса и бас Никифора прозвучали в унисон.

– Ну да, есть же лечение какое-то? Давайте сделаем что-нибудь. Если это только не пожирание людей или домашних животных, конечно.

– А зачем помогать? – в общей напряженной тишине спросил осторожно Алька. – Ну, похворает до новой луны, а там уже на крысах и напасется.

– А до этого пусть страдает? Ты совсем? Фанирс мне жизнь спас!

– Так то его служба, нести которую он тебе поклялся, –

слуга явно искренне недоумевал, на кой черт я уделяю такому внимание. А еще, похоже, ревновал.

– А я ему за эту службу от всей души благодарна и хочу помочь. Кончаем обсуждение, сама еле на ногах стою. Что можно сделать?

– Охота, – ответил амфиптер.

– Ой, да куда тебе такому охотиться! – махнул широкой ладонью Никифор. – Неделю отлеживаться надо, прежде чем сможешь гоняться за кем.

– А тебе подходит только живая добыча? Скажем, мясо из магазина не подойдет?

Я, конечно, сейчас сама едва ползаю и видом больше на маргиналку распоследнюю смахиваю, но ради такого дела сползаю в ближайший магазин за провиантом. Если бы не Фанирс, я бы вообще уже никак, скорее всего, не передвигалась.

– Нет в той плоти силы никакой, – поднял и уронил полупрозрачные крылья амфиптер.

– Вот же наказание! – закатила я глаза. – Тогда так: Алька и Никифор, вы пойдете и добудете Фанирсу хотя бы парочку живых крыс.

– Яа-а-а? – возмущенно завопил слуга, зачем-то мигом перекидываясь в миниатюрную копию Делона. Уставился на меня с “ты в своем ли уме” видом, тряхнув перед собой широким рукавом белоснежной шелковой рубашонки. Ну чисто преисполненный праведного возмущения аристократ,

которому велели вычистить какой-нибудь хлев или типа того.

– Ты. Своих бросать нельзя. Я крыс уж точно ловить не смогу, так что иду мыться и спать. – Надо же, как я здорово распределила обязанности. И нет, мне не стыдно ни капли. Я реально упаду, если еще минуту постою на ногах. – Исполнять!

– Слушаюсь, хозяйка. – Внезапно почему-то повеселевший Никифор разве что только не козырнул мне и, цапнув что-то еще возмущенно пищавшего Альку, потащил того прочь.

– Почему, Фанирс? – спросила я, наклоняясь к амфиптеру и тоже осторожно касаясь одного его рога. Пальцам стало холодно и как-то... ну, будто дотронулась до чего-то абсолютно чуждого. Даже как это описать и не знаю. – Почему ты спас меня?

– Ты моя хоз-с-сяйка-а-а! – изогнул он шею, выражая покорность.

– Только поэтому? Но тебе разве не все равно? Была одна хозяйка, станет новая какая.

Он издал еще невнятное шипение и парочку щелчков и, подняв голову, ткнулся норздями в мои пальцы.

– Ты другая. Я чувю.

– Это как?

– Ты... – похоже, он колебался, подбирая слова. – Пахнеш-ш-шь жис-с-сню. Моей жис-с-сню.

– И что это значит?

– Не з-с-снаю.

– Ладно. Понятно, что ничего не понятно. А вы с Никифором не слишком дружите с Алькой, как погляжу.

– Фуфлыга он, лентяй и ябеда, – для пущего понимания амфиптер еще и фыркнул, будто сплюнул. – Вечно около старой хозяйки терся, что тот кошка, да на нас поклепы и на-праслину наводил.

– Прямо-таки и поклепы? Совсем не за дело? – Амфиптер только снова фыркнул, но в глаза мне смотреть не решился. Ясно тут все. Вот странно, в первый раз мне показалось, что у него вместо глаз ш темные, а сейчас вижу их и вполне себе четко и выражение читается, да и жутью больше не пробирает. – Так, давайте-ка теперь жить все дружно.

И, огласив любимый лозунг кота Леопольда, я пошла на-верх по узкой лестнице.

Вода и сон.

Все остальное потом.

Глава 2

В свое прошлое посещение санузла Рогнеды я, само собой, особо разглядыванием не занималась. Перед глазами тогда все содержимое чертовой морозилки стояло, и все усилия сводились к тому, чтобы печень в унитаз не спустить собственную. Вот, кстати, вернутся Алька с Никифором с охоты на крыс и пусть от этой погани избавятся. Чтобы и следа в моем доме от нее не осталось. Моем доме! Звучит же, а! Я, нищевродка приезжая, раз – и собственной недвижимостью в городе обзавелась. И слугами! Которым собираюсь указания сходу раздавать. Круто! Жизнь потихоньку налаживается.

– Круто, – согласилась сама с собой, оглядывая роскошную ванную комнату с огромной просто ванной, передняя округлая стенка которой была прозрачной. – Только это же каких деньжищ коммуналка будет стоить? Тут воды входит реально литров четыреста.

Да уж, это вам не на съемной квартире на семь человек мыться под душем в темпе, чтобы других не задерживать и выслушивать от квартирной хозяйки, что меньше надо бы полоскаться, а то якобы никакая квартплата наши помывки не окупает. А еще, похоже, Рогнеда очень любила смотреть на себя. Потому как помимо одного зеркала во всю стену рядом с раковиной и по другим стенам были хаотично раз-

брошены вставки золотисто-зеркальной крупной плитки. Так что, двигаясь по не маленькому помещению, то и дело я ловила свои отражения, что множились и дробились. Правда, на мои сейчас невозможно без слез взглянуть. Все же покойная уже Гарпия, что называется, свою работу знала.

А я хотела домой рвануть. Ведь в познании окружающего мира стоит начинать с себя, с моих корней и происхождения стало быть. А значит, первая моя дорога как раз в родные места. Да и соскучилась ужасно. Но куда я такая поеду? Чтобы маму с бабулей сердечный приступ прихватил? Они там и так наверняка извелись, я уже который день не на связи. Эх, не верну я деньги бывшему шефу, заткнись, совесть. Мне они сейчас нужнее. Потом как-нибудь. Они у них, правда, не последние, но все равно это очень-очень дурно – чужой карман заглядывать и за других решать.

Панорамное окно без каких-либо штор немного смущало, но, с другой стороны, весь вид из него – разноцветные лоскуты чужих крыш, и не похоже, чтобы там кто-то гулял с целью подглядывать. Я включила воду и принялась раздеваться, одновременно скользя взглядом по местным средствам ухода. М-да, Рогнеда на себе не сэкономила и явно роскошь любила. Все здесь было не в пластиковых стандартных флаконах, а в вычурных и богато украшенных сосудах из цветного стекла. Само собой, ничего не подписано, но пахло замечательно и, я бы сказала, дорого. Не удивлюсь, если эти все средства вообще ручная работа ведьмы для себя же любимой. Оставал-

ся вопрос, не облысею ли я, вымыв голову шампунем персонального колдовского состава, но смыть с себя все хотелось так, что решила рискнуть.

– Мамочка родная, хорошо-то как! – проскулила фффффффсебе под нос, опускаясь в горячую воду и терпя первое жжение в ссадинах и царапинах.

Сунула ступню под льющуюся еще из крана воду, и ожидаемо в ушах зашелестело-зажурчало:

“Господа-а-арка-а-а, верни-и-ись-окуни-и-ись-исцели-и-ись-утеш-ш-шься”

Про “вернись“ не очень поняла, но все остальное только с радостью. Подчиняясь интуитивному импульсу? я соскользнула на дно, погружаясь с головой и расслабляя каждую ноющую мышцу. И что-то действительно начало происходить. Напоминало мягкие касания, будто кто-то направлял невидимую душевую лейку под водой то на одно, то на другое болезненное и травмированное место, а то и начинало щекотать повсюду. Эти касания были вроде бы и едва ощутимыми, но при этом и вкрадчиво проникающими чуть ли не до костей. И при этом в голове продолжало журчать-нашептывать что-то, вроде как кто-то очень тихо, слов не разобрать, напевал мне сразу в оба уха? и от этого внутри становилось легче легкого. Я лежала без движения сколько смогла выдержать без нового вдоха, а смогла, должна сказать, по ощущениям поразительно долго. Вынырнула, и тут же уши заполнил гомон Альки. Он почему-то скакал по краю ванны, мокрый,

всклокоченный и глаза на выкате.

– Ты чего? – опешив от его вида, спросила, выплюнув воду. – Зачем вообще здесь?

– Ой, страх мне с тобой какой, хозяйка! – всхлипывая, слуга растирал то ли слезы, то ли воду по лицу и хватался за грудь. – Ну сплошной же страх и ужас! Ой, помру я с тобой от горячки нервной! Загонишь ты меня в могилу во цвете лет! То пропадаешь, то избитая ходишь, то в ванне топишься!

– Что? Да не топилась я, ты чего!

– А чего ж лежала, недохнешь, нешелохнешься, ну точно покойница! А я лезу-лезу спасать, а вода эта проклятущая меня не пускай-и-ит! – взвыл он, зарыдав так натурально и протяжно, что я за виски схватилась.

– Угомонись, а! Все со мной хорошо. Ты чего приперся? Я тебя куда отправила?

– Дак, сполнено уже, хозяйка. Чего там этих крыс-то поймать, когда ловок да проворен, как я у тебя, – Алька аж приосанился, смотрясь очень комично в своем сильно подмоченном бахвальстве и с красным носом после рева. – Змея покормили, полез он в подвале отлеживаться, рядом с камнем-то алтарным быстрее силой наберется. Я тебе угодить хотел, вина вон, сладкого хранцузского да яств всяких принес, а ты тут утопнуть решила.

– Вина? – я глянула на пол и действительно увидела деревянный большой поднос с высоким граненым бокалом, даже, скорее уж, кубком с золотистым содержимым и нарезанный

сыр и орешки. – Рогнеда так любила?

Угу, а еще очень уж пребывание у Волхова напомнило. Прежде мне в ванну алкоголь со вкусняхами никто подавать не удосуживался, а тут прям, смотрю, полоса пошла. Привыкнуть могу, в сибариты заделаюсь.

– А ты нет? – тут же насторожился слуга. – Так я мигом все...

– Стоять! Давай сюда. Спасибо. Но больше ко мне в ванную не шастай. Не привыкла я к такому.

– Камин разжигать? – состроив самую покорную мину, потопал Алька к двери.

– У нас есть камин?

– Да как же не быть! У нас все есть, хозяйка. И каминЮ и жаровня в спальне.

– А разжигай! – Барствовать, так по полной. – И вино туда принеси. Всю бутылку!

Я отмокала и отмывалась еще какое-то время, по глоточку цедя вино. Действовал алкоголь, или меня стремительно исцеляла вода, но с появлением хмельной легкости в голове ушла и боль. А еще наконец выветрился мерзкий запах той заброшки, изгнанный изысканными ароматами ведьмовской косметики.

Уже вытираясь, услышала тихий звук оповещения, донесшийся из моей же сумки. Недоумевая, порылась в ней среди вещей, но только в боковом кармане наткнулась на коробочку с новейшим гаджетом известной марки, что принято да-

ритель сговорчивым любовницам за высокое оральное искусство, судя по всяким скабрёзным шуткам в сети. А ещё в коробочке лежал тот самый кожаный тонкий ремешок с узелками и бусинками, который Волхов надел мне на запястье перед посещением дома навия, и стикер с паролем. Где и в какой момент я его потеряла, кстати, вспомнить не могла. В контактах само собой был только один номер. Вот интересно, Егор только его снести забыл или же и про сам телефон в принципе – как бы, не до такого было. Короче, очень вряд ли это можно считать намеком на то, что нам стоит поддерживать связь или что я могла бы в чём-то на него рассчитывать. Он не тот мужчина, что постеснялся бы мне прямо сказать о таком. Долгов у меня перед ним нет, сотрудничество с убийцей неприемлемо, романтики между нами не было по сути, так о чем общаться? Но само по себе внезапное наличие средства связи – это замечательно.

Продолжая подсушивать волосы полотенцем нежно-лавандового цвета, я подошла поближе к зеркалу в стене, дабы рассмотреть свои повреждения. И надо сказать, прогресс исцеления был весьма наглядный. Мои ссадины и царапины закрылись и выглядели ярко-розовыми росчерками, отеки спали, да и синяки приобрели тот самый желтушный цвет, что сигнализирует об их скором полном исчезновении. Внутри, правда, ещё бродили отзвуки боли, но не в пример слабее, чем до купания. Везет же мне, однако! И зачем там какие-то сказочные ключи с живой и мертвой водой, когда и обычная

из-под крана вполне себе лечит.

Выудив из сумки лосины и футболку, я намотала из полотенца тюрбан и вышла из ванной. Звонкое потрескивание дров указало мне дорогу в гостиную с камином и опять же большим панорамным окном в округлой стене. Я здесь точно была, когда меня Алька таскал и заставлял метить кровью все рамы и косяки дверные, но как-то не обратила внимание на интерьер. И почему-то в моем восприятии спальня с большой кроватью и гостиная слились в одно помещение. А они так-то совсем разные. И тут было все тоже по классике роскоши. Камин здоровенный, решетки на нем затейливой ковки, на полке над ним вазы и статуэтки, какие-нибудь шедевры небось. Шкафы с книгами в явно дорогих переплетах по всем стенам, ковер с толстым ворсом на полу, единственное глубокое мягкое кресло с высоченной спинкой, ну чисто трон с пуфиком для ног, и здоровенная белоснежная медвежья шкура ближе к огню, на которой валялось несколько подушек. Рогнеда или гостей вовсе не водила, или же им не полагалось такого же комфортного размещения, как хозяйке. Хм...а мне казалось, кресел было два. Или это опять я что-то не так запомнила? Возле кресла уже стоял изящный, как из золотистой паутины сотканный, столик на колесиках с новым бокалом, початой бутылкой и еще закусками. Алька устроился справа от камина, свернувшись клубком и молча зыркая на меня желтыми глазищами.

Я уселась в кресло, буквально провалилась в него сначала.

ла. Неудобно что-то. Перекатила столик вперед и пересела так, чтобы свесить лодыжки с подлокотника, а голову примостить на другом. Вроде как в гнезде полулежа, и так совсем другое дело. Отхлебнула вина и принялась набирать мамин номер.

– Алло! – родной голос прозвучал осторожно, номер-то незнакомый, а сейчас с таких вечно со всякой фигней звонят. Долгов у нас в семье хватает, потому я так и рвалась в город, где зарплаты достойные. Мечтала помочь маме кредиты закрыть, ремонт сделать, Ленке новый аппарат слуховой опять же.

– Мам... – произнесла, и горло перехватило как-то вдруг, да так, что больше и слова выдать не вышло. Ка-а-ак накатило все и разом! И что чуть не погибла сколько раз, а они ни сном не духом, и что Егор этот... и скот Филлимонов еще, и вообще, я – ведьма!

– Люсенок мой! Ну слава тебе господи! Родная, да куда же ты пропала! Мы чуть с ума не сошли! Твой телефон молчит, квартирная хозяйка ничего не знает, соседка твоя по комнате тоже! Люся! Вещи ночью пропали, а видеть не видел никто! Мы с Ленкой уже сумки собрали ехать тебя искать в город этот проклятуший! – как всегда, нервничая, мама начала частить, выговаривая с потоком слов свой стресс.

– Все хорошо, мамуля! Я нашлась! – не в силах скрыть рваные всхлипы сказала я.

– А реवेशь чего? – И сама-то хлопает мне в ухо! – Оби-

дел кто, маленькая? Вадик этот? Жениться не хочет? Так и гори он, малохольный! Ты себе таких сотню еще найдешь и будешь как в мусоре рыться!

– Да ну его... Ма-а-ам! Я так соскучилась!

– Так приезжай, Люсенок! Ну его, город этот! Найдем тебе и тут и работу, и жениха. Кирюху помнишь? Самсонова из параллельного. Красавец такой стал, возмужал прямо, бизнес у него там какой-то, машина ой и красивая! Так он меня день через день около магазина перехватывает, домой подвозит и о тебе все выспрашивает.

– Мам, да ну их всех, мужиков этих! – я уже не редела, шмыгала носом только, икала и улыбалась. А еще только заметила, что Алька подобрался к креслу, сцапал мою руку и крепко держал за нее, глядя большими тоже мокрыми зенками. – Мам, я – ведьма.

– Ох... Вылезло-таки!

– Вылезло, – признала я.

– Люсенок, приезжай. Не будем по телефону.

– Хорошо. Я прямо завтра выезжаю. Только не пугайтесь сильно. Я немного не в форме.

– Беременная что ли, Люсь?

– Мам! Не беременная.

– А и пусть бы была. Вырастили бы и вынянчили, наша ж кровь.

– Увидимся, мам.

– Пропадать не вздумай больше, Люсь!

Уснула я сама не помню как. Просто после разговора с мамой полегчало так окончательно, что я свернулась клубком в глубоком кресле и отключилась, глядя в огонь и перебирая мягкую шерсть Альки пальцами. А проснулась укрытая чем-то теплым от того, что рядом яростно переругивались свистящим шепотом.

Глава 3

– ...не твое холопье дело распоряжаться тут! – низко гудел Никифор.

– И не твое вылезать, покуда не звали! – шипел в ответ придушенно Алька.

– Не к тебе пришлец, не тебе и решать пущать али нет! – настаивал на своем домовой и слышались звуки гневного сопения и какой-то возни.

– А я и не решаю! – сквозь пыхтение пробухтел Алька. – Неча будить хозяйку! Спит она, значит, пусть проваливает этот ащеул зубоскальный! Он не друг ей сердешный, чтобы когда хошь захаживать!

– Да тебе, еропка недорослая, кто право жаловал решать! Пришел к хозяйке гость – доложить обязан!

– Не гость он ей!

– Не твое то дело!

– И не твое!

– Ах ты валандай нечистый!

– Елдыга королюбий!

– Развислай пустошный!

– Фофан тьмонеистовый!

– Тюрюхайло бесполезное, рожа твоя скобленая!

– Сиволап скопыжный, пень трухлявый!

– Помедленнее, я записываю, – просипела я, припомнив

фразу из старого фильма.

В комнате воцарилась тишина на несколько секунд, а потом спор вспыхнул снова, но теперь уже в полные голоса.

– Разбудил-таки, ах ты, пентюх псоватый! – возмущенно заорал Алька.

– Сам шумел больше, потатуй лоший! – невозмутимо отбил домовик.

– Так, а можно все же узнать, кто там пришел посреди ночи? О-о-ох! – Стон вырвался при попытке сесть. Как же тело затекло!

Принять вертикальное положение вышло только со второго раза.

– Дак... белый день давно, хозяйка! – буркнул Никифор. – И там ведьмак Лукин пришел. Все честь по чести, постучал, дому нашему крепости и процветания пожелал, что хозяйку зреть желает и беседу уважительную имеет к тебе, сообщил и стоит ждет. Не орет, не буйнит, дверей не ломает. А этот вот, со...

– Так, не обзываемся больше! – остановила я его. – Ты чего меня не разбудил, Алька?

– А не было такого приказу – о каждом встречном-поперечном докладывать и сна лишать, – огрызнулся мини-Делон.

– Алька... – покачала я головой укоризненно и снова охнула от того, что в шее что-то хрустнуло и прострелило. Как старуха-развалюха я после этих приключений экстремаль-

ных, ей богу.

– Устала ты и хворая, зачем же беспокойство устраивать? – сделал снова Алька мне глазки жалобные широкоизвестного мультяшного котофея. – И ведьмак этот... разве в другой раз прийти не может, если надо по делу какому. А если без дела, так и вовсе...

– Так, Алька! Я сама решать такие вещи буду! Приходит кто – говори! Я сама уже решу, кого надо, а кого нет.

– Во-во! Старая хозяйка тебя за самовольство еще вдоль спины бы кочергой огрела! – поддакнул домовый, а слуга сразу понурился.

– Прекращайте ссориться и спорить! – ткнула я в их сторону пальцем, направившись на выход. – Я серьезно! Ненавижу склоки.

– Василек! – шагнул ко мне с широченной улыбкой ведьмак, что действительно терпеливо подпирал плечом стену в арочном проходе. – Ух ты, без лифчика, сосочки как торчат! Рада меня видеть?

Впрочем, его веселье как корова языком слизала уже через секунду.

– Кто? – спросил он глухим, каким-то очень пугающим голосом, уставившись в лицо и шагнув еще ближе, вторгаясь в мое личное пространство.

– Ох, не в глаза ты девушкам в первую очередь смотришь, не в глаза, – покачала я головой, делая приглашающий жест и отворачиваясь.

– Люська! – зыркнул он грозно, хватая меня за локоть и разворачивая к себе. – Ты в курсе вообще, что за такое... – коснулся пальцем моей скулы, заставив вздрогнуть от колкого импульса, – ты можешь его на тот свет отправить запросто? Сама не умеешь еще, давай я. Задаром, чисто для общего удовольствия и справедливости ради.

– Это не Егор, – покачала я головой, освободила локоть и отступила.

– Нет? То есть ты за сутки еще куда-то влипнуть успела?

– Успела, – вздохнула я. – Пойдем наверх. Хочу умыться и кофе.

– Я бы и пожрать не отказался.

– Смотрю, ты любитель по гостям столоваться. Экономить на продуктах?

– Давлю на жалость и одновременно намекаю здоровым аппетитом за столом на прочие столь же здоровые аппетиты.

Поднявшись по лестнице, я замешкалась.

– Алька, а кухня у нас где?

Слуга появился из-за угла, зыркнул недобро на ведьмака и пискнул:

– Сюда пожалуй, хозяйка.

– Что, еще не все свои хоромы освоила? – фыркнул мне в спину ведьмак и тут же опять взялся за старое, – Люськ, а ты стринги носишь или слипы?

– А ты? – хмыкнула я не останавливаясь.

– А я семейники. Они для нашего мужского оборудования

самые полезные. А то в этих новомодных боксерах, да штанах в облипку срамотных нормальному бойцу и головы нормально не поднять. Это все для маломерок каких-то придумано.

Совсем не тонкий намек на одаренность от природы в определенной сфере? Данила такой Данила. Мы под его треп пошли, куда позвал Алька и, свернув за угол, оказались в еще одной немаленькой и светлой комнате, которая никак на кухню не тянула. Скорее уж, столовая с длинным столом под белой с золотистым шитьем скатертью, вычурным канделябром посредине и мягкими стульями вокруг.

– Чего подать? – спросил слуга.

– Эм-м-м... А что, сама я себе и гостю кофе сделать не могу что ли? Кухня, собственно, где?

– Дык в подвале она.

– Хм... А разве это удобно – туда-сюда носить?

– Люся, угомонись, Рогнеда небось на ту кухню сроду не хаживала. Она же из старого аристократического семейства вроде была, не барское это дело – по кухням топтаться. – Данила со скрипом отодвинул стул мне, себе и плюхнулся на него. – Так, мохнатый, организуй нам кофейку черного, лично мне вот такенную прямо кружку, и бутербродов там с десяток с чем-нибудь мясным. И только плюнь мне в пойло! Узнаю и прокляну!

– Ха! – нисколько не испугано фыркнул Алька, демонстративно ожидая команды от меня. – Будто я не знаю, что

вреда мне от твоих проклятий никакого, балохвост зряшный.

– Гостей не обзываем! – строго прикрикнула я. – И давай уже, правда, принеси что велено. С кухней потом разберусь.

– Ты как узнал, что я здесь? – спросила, не торопясь садиться. Так-то мне в удобства сначала смотаться надо.

– Ну а где тебе быть, если на старой квартире нет? Светка мне сказала, ночью прошлой вещи пропали, значит была, но ушла.

Угу, ушла, потому что кое-кто предложил пожить у него и быть парой. Недолго все продлилось и правдой не было по сути.

– А зачем искал?

– Скучал, василек! У меня ж к тебе чуйства пробудились со страшной силой. – Ну, началось! Точнее уж, продолжилась клоунада. – Без тебя мне белый свет не мил, я без тебя ни есть не могу, ни спать не могу, все теперь хочу только с тобой. Спать особенно.

– А серьезно если?

– Здрасти! А я не серьезно разве? – подался он вперед, наваливаясь грудью на край стола и прижав ладонь к ней повыше сердца. – Кто такими вещами шутит, василечек?

– Данила!

– Ладно-ладно! – откинулся ведьмак обратно, ухмыляясь, и, не скрываясь нисколько, облапал меня взглядом. – Любопытно мне, же чем там все в итоге закончилось с чудями.

– Ты же был там, все и так знаешь, – отвела я глаза. – Так, я в удобства, а ты завтрак жди.

– Стоя-а-ать! – рыкнул ведьмак, вскакивая молниеносно. – Ты это сейчас типа сруливаешь с темы, или мне показалось?

– Тебе не показалось, но говорить об этом мы не будем больше. Никогда.

– Любовничек запретил разглашать? – вот тут в его голосе прозвучала едкая злость.

– Слово взял, – призналась я. Чего скрывать это обстоятельство? К тому же, даже если бы не взял, зачем бы мне Даниле все рассказывать. Мы не друзья и даже не союзники пока. Там, в тоннелях, это было вынужденное сотрудничество. А оно никакой не повод для откровенности.

– А сказать, что слово, данное не подлунному, никакой силы для нас не имеет, забыл конечно.

– Имеет, – возразила, впрочем не слишком уверенно. – Егор его взял в уплату моего долга перед ним.

– Хитрая скотина. Обидненько, – прикусил нижнюю губу гость, задумываясь. – А я хотел выведать, кто же это чудям помог такой гламур непрошибаемый на то место навести, но, похоже, не судьба.

Когда я вернулась из ванной, Данила уже вовсю наворачивал бутерброды с паштетом и помидорками черри под очень говорящим “что б ты подавился” взглядом Альки. Кофе пах головокружительно, я даже зажмурилась от удовольствия,

сделав первый глоток прямо стоя.

– М-м-м, Алька, это восхитительно! Ты молодец! – Слуга мигом расцвел, повеселел и подбоченился, глянув на ведьмака уже гордо. – А что, на тебя действительно проклятье его бы не подействовало?

– Так известное же дело! Ущербу какого нам хозяева нанести только собственноручно могут. Побить там, а то и порезать, железом жечь, коли на то будет ваша воля, а волшебной никак не можно.

Я от его перечисления проявления хозяйской “доброты” чуть не подавилась новым глотком кофе.

– Ага, для магии они неуязвимы, поганцы. А так иногда хочется колдануть им за самовольство диареи какой-нибудь или икоты для на три, – подхватил Данила.

– И с тобой делали такие жуткие вещи? – спросила у слуги, и он кивнул, не изменившись в лице, будто речь о ерунде обыденной какой.

– Странно. Зачем служить таким хозяевам, что позволяют себе подобное обращение, – нахмурилась я, усаживаясь за стол.

– А как не служить-то? – изумился Алька. – Никак не можно не служить.

– Почему?

– Да потому что они без магии этой нашей, при которой состоят, жить не могут. Они же не свободная нечисть из дикой природы. Нет домовых без домов, банников без бань,

слуг без хозяев, уловила связь? Их магия собственная берет исток из сил, к которым они сроду привязаны. А силы эти гнездятся либо в нас, подлунных, либо поселяются в тех же домах и прочих обязательно обитаемых строениях. Без этого быстро хиреют и того... ласты склеивают, – влез ведьмак. – Слуги те вообще же в шлейфе силы нашей что те глисты в человеке. Ну разве что чуток пользы приносят. Хотя и глисты в природе же не просто так. Я вон передачу недавно одну видел. Так там сказали, что если у человека совсем глистов нет, то его иммунитет сам с собой воевать начинает, и привет аллергии и прочая фигня. Ну или типа того, я не слишком вникал, был параллельно другим занят.

Даже могу догадаться чем.

– Блин, я ем! – возмутилась я темой, а вот Алька вскипел.

– Ах ты хабал шалопутный! – зашипел он, выставляя вперед лапки с когтями. – Это ты мое племя с червями брюхожитными сравнил? Да я тебя...

– Стоп! – гаркнула я. – Так, Алька, пойдика мне еще кофе организуй.

– А ты кончай его дразнить! – строго я глянула на Данилу, как только шипящий и плюющийся шепотом ругательствами слуга ушел. – Я тут пытаюсь его с домовым помирить, чтобы не цапались, а еще и ты его керосинишь.

– Очень не советую.

– Что?

– Мирить их. Когда они между собой грызутся, то лучше

работают, потому как чуть что – вломить можно оппонента. А так сдружатся и станут душить тебя, жрать да бездельничать и покрывать хвосты друг другу.

– Это нездоровая обстановка в коллективе, знаешь?

– Зато необычайно мотивирующая и результативная.

Раздалось басовитое покашливание, и в дверном проеме показался Никифор.

– Хозяйка, дозвожь доложить.

– Говори конечно.

– К тебе там новая пришлица.

– Кто? А! В смысле ко мне? Наверное, она к Рогнеде по старой памяти?

– Никак нет. К тебе. Пущать будем?

– Будем! – вместо меня распорядился Данила, но домо-вой не сдвинулся с места, глядя на меня. – Это гостья здесь определенным образом по моей инициативе.

Я повернулась к ведьмаку и уставилась на него с “ну и что это значит” видом.

– Люсь, ну не делай страшное лицо, меня оно только воз... воодушевляет! – ухмыльнулся наглец, покосившись на Никифора.

– Какое ты имел право приглашать кого-либо в мой дом? – зло прищурилась я на него.

– Слушай, я не приглашал напрямую, ясно? – принялся выворачиваться ведьмак, явно не испытывая ни капли стыда при этом. – Просто дал информацию о том, куда эта бедная

женщина может обратиться со своей проблемой.

– Нормальные люди сначала спрашивают у того, о ком эту информацию дают!

– Ну так мы же не люди, Люсь! И привыкай, в подлунном мире именно передача из уст в уста, как говорится, и есть главный двигатель торговли и залог процветания бизнеса. В сети только всякие шарлатаны и полудурки с усвиставшей флягой объявы размещают. У настоящих подлунных такое не в чести.

– Я ничем не торгую и бизнеса не веду!

– Слушай, василек, ну давай мы потом поскандалим на эти малозначительные темы, а? Человек там под дверью мается, нервничает. А ей очень нужна твоя помощь, честно, Люсь. Вот тут никаких шуток и дурости.

Он посмотрел мне в глаза пристально, и, действительно, в обычно лукавых глазах не промелькнуло ни единой хитрой или насмешливой искры.

– Да как и чем я могу кому-то помочь, если сама только и делаю, что в неприятности всякие попадаю? Она на лицо только мое глянет и перепугается.

– Это ты уже загнула. Ты просто выслушай женщину, Люсь. Выслушай, а как – мы вместе дальше покумекаем. К тому же не бесплатно все это. Она реально богатая тетка. Правда-правда!

– Да при чем тут деньги? Это вообще неправильно все как-то. Если, как ты говоришь, у человека правда беда, то

чем я помогу? Выслушаю с умным видом и тем самым надежду ложную внушу? К тому же я домой ехать собралась, маме пообещала уже.

– Люсь, деньги для нас подлунных при всем. Наша сила – коварная и жадная штука, и всегда лучше взять с кого-то деньгами, нежели она найдет способ взыскать как-то сама. Но об этом потом поболтаем. И с планами твоими разберемся, обещаю. Прими человека сначала, а?

– Ладно, – вздохнув, я поставила полупустую чашку кофе на стол и пошла открывать дверь.

Глава 4

– Добрый день! – приветствовала я привлекательную женщину лет сорока пяти, что порывисто шагнула ко мне, стоило только распахнуть дверь.

– Это вы ведьма Людмила? – в лоб спросила она, не ответив на приветствие.

Я посторонилась, пропуская ее в дом, и тут же зависла из-за метаморфозы, произошедшей с посетительницей, как только она переступила порог и вышла на хорошо освещенное место. Ее ухоженное с идеальным макияжем лицо вдруг стало пергаментно-желтым, и сквозь эту желтизну проступила сетка серо-сизых вен. Я едва сдержалась, чтобы не шарахнуть и не вскрикнуть. Впрочем, это жуткое видение пропало, стоило мне всего раз моргнуть, пытаясь рассмотреть лучше.

– Я Людмила, – подтверждать свой нечеловеческий статус я не торопилась. – А как я к вам могу обращаться?

– Наталья Николаевна Бакшеева, – чуть вздернув подбородок, сказала она так, будто ее имя должно мне много о чем поведать.

Судя по одежде и сумочке дама и правда весьма состоятельная, хоть я и не такой уж великий знаток брендовых вещей и аксессуаров. Но ничего не выглядело безвкусным, как у той же Наденьки, все исключительно сдержанно стиль-

но, именно это обычно и выдает людей, которые не кичатся внезапно появившимися деньгами, а действительно богаты, причем давно. Вокруг таких эдакая аура собственной состоятельности, а не вычурного сиюминутного “бохатства”. Поработав в офисе серьезной фирмы, я научилась чутко и различать такое, хоть и из всего попадались исключения. Однако ее фамилия не сказала мне ничего.

– Могу я узнать о цели вашего визита?

– Вы ведьма? – с нажимом переспросила женщина тоном человека, явно привыкшего, что на свои вопросы она получает ответы, причем незамедлительно.

Я – Людмила Казанцева, – упрямо повторила я, глядя в ответ так же твердо. Даже и не знаю, как такое вышло, я обычно пасую перед откровенным давлением. Но, видимо, ощущение ДОМА и надежного тыла так работает.

И она как будто сбилась со своего первоначального настроения. Надменно вздернутый подбородок опустился, поникли и плечи, испортив идеальную осанку. Наталья Николаевна моргнула несколько раз, выражение ее лица стало растерянным или даже беспомощным.

– Я... – она запнулась и долго прокашливалась, прочищая горло. – Мы бы могли поговорить где-то не вот так, на пороге?

– Конечно, – я сделала приглашающий жест в сторону лестницы. – Прошу прощения, вы застали меня и моего гостя как раз в момент завтрака. Можете присоединиться к нам,

если не против.

Она забормотала что-то вроде извинений за беспокойство и что позвонила бы, но моих контактов не было, но я только настойчивее указала ей на лестницу.

– Наталья Николаевна! – Данила поднялся ей навстречу. – Позвольте ваше пальто?

– Но я... да, конечно. Вы тоже здесь? – мне почудились нотки подозрительности в голосе гостя.

– Ну, Людмила у нас человек очень закрытый и принимать кого-то с улицы не склонна, – пустился в объяснения ведьмак, принимая у дамы верхнюю одежду. – Так что я как раз приехал, дабы убедить ее выслушать вас.

– Только выслушать? – тут же напряглась еще сильнее посетительница. – Не помочь?

– Наталья Николаевна, я не знаю сути вашей проблемы, но даже если бы и знала...

– Вы ей не рассказали? – перебила женщина меня, вперив пристальный взгляд в Данилу.

– Дамы, а давайте мы присядем и выпьем кофе, – немного натянуто улыбнулся он, подхватывая со стола уже принесенный явно невидимым для женщины слугой изящный кофейник. – Позвольте, я за вами поухаживаю и налью. Наталья Николаевна, я подумал, что вы гораздо лучше меня донесете до Людмилы суть вашей ситуации.

– Я не хочу ничего, – отмахнулась она от напитка, но за стол села. Принялась переводить взгляд с меня на Данилу

и обратно, сильно хмурясь, будто задавалась вопросом, что она вообще тут делает.

Я ничего из нее вытягивать и торопить не собиралась, поэтому кивнула подлившему мне кофе ведьмаку и принялась завтракать. Все понимаю, хорошие манеры там и прочее, но сама я никого не звала по-дружески, еще очень рано для деловых визитов, а я голодная, так что сидеть смиренно и дожидаться, пока гостя решится на что-нибудь, не вижу смысла.

– Вы должны понимать, что я очень рациональный и практичный человек и ни в какую мистику и прочее не верю, – наконец начала Наталья Николаевна, обращаясь не понятно к кому, больше к себе что ли. Ни я, ни ведьмак ее слова никак не прокомментировали, и, помолчав еще с полминуты, она продолжила. – Не верила до определенного момента.

И опять пауза, которую никто не нарушал. Я отставила чашку и откинулась на стуле, ожидая продолжения. Ведь она уже начала, значит, оно будет. На этот раз Бакшеева молчала минуты три, но, начав говорить, делала это торопливо, будто боясь, что кто-нибудь станет ее останавливать.

– Ровно три года, пять месяцев и двадцать два дня исчезла моя семнадцатилетняя дочь Маргарита. – Вот теперь она смотрела прямо на меня, и я уже во всех подробностях успела рассмотреть новое явление ее мгновенного преобразования. И, кроме мертвенно-желтой кожи, вмиг обтянувшей кости лица, и страшных выступивших вен, успела заметить и видение черных провалов вместо глаз, носа и рта. Самая

натуральная маски смерти, по-другому и не назвать.

Я кратко глянула на Данилу, но на его лице не дрогнул ни единый мускул, однако я откуда-то знала, что он видел то же, что и я, но виду никак не подал. Ладно, промолчу и я.

– Она поехала с компанией своих друзей на выходные в некий клуб загородного отдыха. Само собой, я не могла отпустить свою единственную дочь совсем без сопровождения, так что туда же поехали двое ребят из нашей службы безопасности, которые и приглядывали за Маргошечкой ненавязчиво. Первые сутки все было хорошо, а вот вечером второго дня она исчезла. Ребята взяли квадроциклы, чтобы покататься по лесу. Через время все вернулись, а моя девочка и ее парень Никита Рослов нет. Естественно, мне немедленно доложили и на поиски ребят была отправлена команда. Сильно травмированного Никиту в бессознательном состоянии и квадроцикл вскоре нашли, а вот Маргоши нигде обнаружить не удалось. Моя семья обладает очень обширными связями и финансовыми возможностями. Очень. Поэтому моментально развернули беспрецедентную поисковую операцию. Привлекли росгвардию, военных, волонтеров, всю нашу службу безопасности, но... – голос женщины сорвался, и она сгорбилась еще больше и всхлипнула, – ничего. Абсолютно. За все эти месяцы никаких следов и ни единой зацепки. Поверьте уж, все друзья, персонал базы отдыха, просто находившиеся в момент исчезновения моей девочки люди были не просто неоднократно допрошены... Мы из них ре-

ально душу вытрясли, и я нисколько не стыжусь в этом признаться. Но ничего, ничего не помогло и не дало результата!

Повисла тягостная тишина, разбавляемая только тихими всхлипами Натальи Николаевны. Как у человека, безумно уставшего от пролитых слез и бесконечных часов и дней страдания. У меня от этих ее сдавленных рыданий и самой истории все внутри застыло и залило нудящей болью сопереживания. У меня нет детей, конечно, и по-настоящему мне такого не прочувствовать, но какой же это ад – вот так вот жить день за днем, не имея вестей о судьбе своего ребенка, невзирая на все усилия и поиски. Никому, даже самой распоследней мрази я бы такого не пожелала.

– Ни тела, ни следов, ни свидетелей, – продолжила Наталья Николаевна совсем слабым голосом. – И я уже почти смирилась с тем... что Маргошечки больше нет... в живых. Научилась как-то жить с этой мыслью... Тем более... у меня появилась надежда на встречу с моей девочкой в лучшем мире. Быстро прогрессирующая и не откликающаяся на лечение меланомы, понимаете? Но вот месяц назад... – она вскинула голову и вперила в меня взгляд красных заплаканных глаз. – Моя девочка стала являться мне, Людмила. Приходила во сне и упрекала, что мы так ее и не нашли и не спасли от НЕГО. Господи боже, какой же это был ужас впервые! – Последнее бедняжка почти выкрикнула и прижала ладонь ко рту, уставившись в пространство невидящим взглядом и

закачавшись на стуле вперед-назад, словно переживала тот момент ужаса заново. Данила торопливо поднялся, звякнуло стекло, и перед женщиной появился хрустальный стакан с водой, к которому она тут же и приникла.

– Я думала, что сойду с ума! – чуть успокоившись, продолжила Наталья Николаевна. – Теперь уже окончательно! Была истерика, меня накололи успокоительными, и я даже решила, что это один из моих кошмаров просто. Но Маргошечка стала приходить снова. Она говорила мне, что Он ее никогда не отпустит ко мне. Что нам ни за что не встретиться там, – она коротко глянула наверх, – потому что ей не вырваться, пока у Него ее тело. Что Он продолжает мучить ее и сейчас, и страданиям не будет конца, пока Он жив и упивается ими.

Сказать, что я была чуть не в обмороке от ужаса, не сказать ничего. Ледяные кошмарные щупальца обвивали меня все плотнее от каждого следующего слова Натальи Николаевны. Мне захотелось вскочить и убежать с истошным криком и просто спрятаться от этого, загородиться от наполняющей пространство комнаты безысходности. Даже услышать такое страшно до икоты, а переживать это и не рехнуться... Что же за сила духа у этой женщины!

– О... Он? – удалось как-то выдавить мне.

– Да. Она так называет своего мучителя и, как понимаю, похитителя и... убийцу. – Произнеся последнее слово, гостя опустила на несколько секунд веки и стиснула в кулак

руку с платком на столе. – И нет, она не говорила, кто это. Никаких хотя бы намеков на личность. Все время только умоляет забрать ее от него, найти ее тело и освободить из лап чудовища хоть в посмертии.

– И... и почему вы решили, что я смогу вам помочь в этом?

– Это не я. Данила. Через своих знакомых, для которых он выполнял одну весьма деликатную работу, я узнала о нем и пришла с просьбой помочь. А он сказал мне, что вы... не знаю, как это правильно... обладаете некоей связью с водой что ли... В общем, что вам под силу найти мою Маргошечку и помочь дать ей успокоение. И тогда уже и мне можно...

Я вопросительно посмотрела на ведьмака.

– Девушка является маме как будто плавающей в воде, Люся, – пояснил он.

– Да-да, Людмила, так и есть! – подавшись вперед, торопливо заговорила Бакшеева. – У Маргошечки были такие прекрасные длинные темные волосы, и когда она приходит ко мне, они колышутся вокруг, как если бы она в водной толще, и одежда на ней тоже как будто плывет, понимаете? Но самое главное – я стала находить мокрые следы босых ступней. Первые несколько раз их не было или же просто успевали затоптать, когда меня откачивали от истерики, но теперь я их видела! Это точно ее размер ноги, клянусь вам! – Наталья Николаевна заговорила еще быстрее, ее глаза заблестели лихорадочно, и она, вскочив и отступив от стола, вдруг бух-

нулась на колени.

– Помогите мне найти мою девочку, Людмила, умоляю! – прижала она трясущиеся руки к груди, а я кинулась, роняя стул, чтобы побежать к ней, но ведьмак опередил и, подняв женщину, стал удерживать ее, не давая снова упасть. – Любые деньги, все что хотите! Я вам хоть все что имею отпишу, куда оно мне все, в могилу что ли! Помогите только! Мне никак нельзя умереть и оставить мою девочку и дальше страдать в лапах этого чудовища!

– Но... – у меня почти вырвалось “я не знаю как”, но предупреждающий строгий взгляд ведьмака остановил меня. – Я не могу вам ничего обещать, Наталья Николаевна. Я попытаюсь сделать, что получится, буду очень стараться, но ничего гарантировать не могу. Я не настолько еще хорошо... владею всем этим.

– Спасибо! Спасибо-спасибо, Людмила! Я заплачу... аванс... – она рванулась из поддерживающих объятий Данилы к своей сумке, но я замотала головой.

– Я ничего не возьму у вас, Наталья Николаевна!

– Но как же... мне говорили, что нельзя просто так...

– Людмила никогда и ни с кого не берет авансов, – разрулил ведьмак. – Только уже по факту. У нас ведь совсем не тот бизнес, где заказчик может счесть для себя возможным не заплатить исполнителю, вы же понимаете. Но и брать деньги вперед – плохая практика, ведь те, кто обладает настоящими способностями, прекрасно знают, насколько все может пой-

ти непредсказуемо. Только шарлатаны и мошенники берут оплату вперед.

– Я поняла вас, Данила, – кивнула Наталья Николаевна. – И вас, Людмила. Когда я могу ждать от вас новостей?

– Ты просто эпичнейше подставил меня! – ткнула я в Данилу пальцем, как только он вернулся, проведя несчастную мать. – Что, блин, за судьба у меня такая, что меня постоянно подставляют окружающие мужики? Как? Как, по-твоему, я ей помогу?

– Успокойся, василек, сейчас обмозгуем.

Глава 5

Обмозгуем?

Да мне разреветься хочется от сочувствия к несчастной матери и собственного бессилия. Господи, почему такое на белом свете происходит? Почему люди должны проходить через подобные муки? Почему громом на месте не поражает чудовищ, что эти муки на людей и обрушивают? Неужели они не подвластны никакому закону вселенской справедливости, или его, закона этого, и не существует вовсе?

– Не хлюпай носом, василек. Поешь уже лучше давай! – Данила обошел стол и, встав за спиной, принялся осторожно, почти вкрадчиво разминать мне плечи.

Я пару раз дернулась, злясь на него невероятно, но сдалась. Приятно же, хоть и форменное хамство, конечно, вот так вторгаться в мое личное пространство.

– Почему ты ее ко мне, бестолковой и ничего не знающей, отправил? – проворчала, потихоньку успокаиваясь. – Сам же говорил, что есть подлунные, что умеют с мертвыми разговаривать и видеть их, так почему не к кому-то из них?

– Во-первых, на данный момент никого с таким даром нет поблизости, а у Бакшеевой не так много времени, как ты и сама почуяла, чтобы дожидаться, пока я отыщу по свету нужного подлунного. Во-вторых, мне показалось очень логичным именно твое участие, поскольку все признаки указыва-

ют, что тело девушки где-то в воде.

– И что, что в воде? Думаешь, это мне как-то поможет отыскать ее? Как вообще искать, я не представляю!

– Отставить паниковать, Люська!

– А я говорил, что неча его и в дом пускать было, – тихо проворчал уже видимый Алька из угла. – Одна смута и беспокойство от бзыри этого бредкого.

– Много ты понимаешь, мохер бродячий!

– Прекратите! Вот прямо сразу, – оборвала я уже явно изготовившегося ответить очередным заковыристым обзывательством слугу. Походу им эти взаимные оскорбления стали нравиться слегка. – А почему ты сказал “почуяла”? Ты не видел это... у нее на лице ужас такой периодически появлялся? Как маска черепа.

– Хм... нет. Я только чуял от нее запах близкой смерти, как от призрака почти.

– А я почему видела?

– Василек, мы, подлунные, как и люди, не одинаковые. У каждого свое индивидуальное восприятие разных вещей и явлений. То, что я воспринимаю, скажем, обонянием, ты видишь. Или наоборот. Но на самом деле ты же понимаешь, что изначально все исходит от нашей силы и способностей, а не от органов чувств.

– Ясно. Но ты все равно сволочь. Вот что мне делать теперь?

– Ну, тут тебе решать. Ты ведь можешь просто забить и

не братья, если не чувствуешь себя в силах. Ты ей никаких нерушимых клятв не давала и плату не брала.

– И ты думаешь, что я смогу после этого спать спокойно? Да эта мать бедная мне в кошмарах будет теперь являться вместе с девочкой мертвой. Господи, какое же горе и безысходность, у меня просто волосы дыбом. И ты ведь знал, гад! Потому и дал ей адрес! Причем, я уверена, что сделал это прямо утром, когда убедился, что я дома.

– А чего бы я женщину гонял в пустую? – ни капельки не смутился ведьмак.

– Ты должен был у меня спросить сначала!

– И ты согласилась бы с ней встретиться?

– Нет, конечно! Ведь я почти уверена, что помочь не могу. Зачем тогда?

– И правильно, хозяйка, с делами, где мертвяки неуспокоенные есть, связываться – себе же гадить. А ну привяжется какой и будет шастать потом следом! У-у-у, чур нас!

– Это совершенно не тот случай, ду... неумный ты, – отмахнулся ведьмак. – И вообще, у тебя разве дел по дому нет никаких? Чего торчишь тут и уши греешь? Марш работать!

– Ты мне не господин, распоряжаться!

– И правда, Алька, иди! Вон эту проклятую морозилку наверху с Никифором возьмите опустошите, выкиньте все и вовсе уберите, чтобы и на глаза мне не попадалась.

– Да как так то? – вытаращил глаза мини-Делон. – Да там гридиентов на зелья на бешеные мульены хранится, хозяйка!

– Плевала я! Этой жути в моем доме быть не должно! Выполняй!

– Тож ущерббу какого мы понесе-е-ем... – принялся сокрушаться Алька, но таки пошел. – Это ж каки деньжищи на ветер!

– Это что же там за ингредиенты такие ценные? – блеснул любопытными глазами Данила. – Рогнеда была ведьмой старой, богатой и опытной, и у нее и правда могло чего редкого и дорогущего завалиться.

– Если ты сейчас мне скажешь, что не брезгуешь в своих магических фокусах использовать человеческие части тел, то можешь сразу выметаться отсюда! – предупредила я.

– Успокойся, василек, подобное из разряда слишком темного и для меня. Я же еще тогда, в тоннелях, говорил, что людей ради магии мочить считаю пережитком прошлого и тупостью, граничащей со склонностью к суициду. Не те уже времена, чтобы эдакое с рук сходило безнаказанно долго. Но вот в книженцию Рогнеды я бы заглянул и даже изучил обстоятельно. Дашь, василек?

– Ты меня втягиваешь в дела неподъемные, а я тебе давать должна?

– Не, насчет вот прям давать тут не должна, конечно. Тут уж исключительно по твоему горячему желанию, которому я с радостью пойду навстречу к нашему общему удовольствию.

– Блин, ты опять словоблудом занялся! Делать что будем?

– То есть ты всерьез согласна попробовать помочь Бакшеевой?

– Ну а как иначе? Это же невысказано, вот так страдать, как она. Еще и будучи и так больной. Вот, кстати, а вылечить ее разве нельзя при помощи волшебства?

– А разве она сама этого хочет, василек? – вздохнул Данила, отходя от меня. – Она тебе свое единственное желание четко озвучила.

Так и есть. Соединиться со своим погибшим ребенком в посмертии. Для кого-то и это, выходит, хэппи энд.

– Ясно. Но все равно, как же бесконечно жаль. – Я зависла на несколько секунд, размышляя. – Слушай, а явления Маргариты матери как-то связаны с ее состоянием?

– Верно мыслишь, василек, – кивнул ведьмак. – Чем ближе Наталья Николаевна к той стороне, тем тоньше грань и активнее восприятие посмертного всего. К тому же три года – это некий срок, за который неупокоенная душа успевает набраться силы, чтобы смочь являться кому-то и общаться.

– То есть призраки с возрастом сильнее становятся?

– И сильнее, и очень меняются. А вот с таким анамнезом, что у Маргариты этой, через пару-тройку поколений в такую жуть есть все шансы переродиться, что мама не горюй! Людей сможет пачками мочить.

– Seriously? Но ведь она сама жертва, как так то?

– Личность стирается с годами у них, Люсь, а гнев от пережитых боли и обид остается. И он-то и становится главным

их внутренним составляющим, а месть – основным смыслом существования. А кому мстить, они тоже уже не помнят, вот и прилетает всем в зоне поражения.

– Короче, надо останки по-любому найти и девушку упокоить, так? Чтобы будущие поколения от беды уберечь.

– Ну, мне на эти поколения как-то... – отмахнулся сначала ведьмак, но тут же и одернул себя, – хм... но в целом ты права.

– Что нас возвращает к вопросу, как и с чего хотя бы начать. На турбазу ту поехать что ли?

– Смысла не вижу. У призрака нет к ней привязки изначально, она ведь дома матери является. Думаю, от дома и плясать надо. К тому же там вещи ее и все такое.

При мысли опять увидеться с убитой горем женщиной меня передернуло. Но перетерплю, чего уж, не я в этой ситуации та, кому действительно больно.

Со стороны коридора донесся звук какой-то мелодии, и в столовой через пару секунд появился торопливо шагающий Алька с моим новым телефоном в руке.

– Матушка твоя звонить изволит! – возвестил он и зыркнул многозначительно на ведьмака. – Видно, чует сердце-то ее материнское, что тебя, дитяtko ее неопытное, всякие ерохвосты зряшные задумали в дела поганые затащить.

– Алька, нельзя так говорить о подобных делах, – покачала я головой, забирая у него уже переставший звонить гаджет. – И обзывать я запретила.

– Так я же разве ему что прямо сказал? – начал он, но я прижала палец к губам, веля молчать.

– Мамуля, привет.

– Ты мне сейчас скажешь, что сегодня выехать никак не сможешь, так, Люсенок? – со вздохом сразу спросила родительница, и мне осталось только с таким же печальным вздохом подтвердить.

– Мам, тут внезапно дело у меня очень срочное. Прости.

– Люсенок-Люсенок, да я тебе все на свете прощу, кроме как если сгинешь. Обещай, что будешь цела и невредима.

– Обещаю, мамулечка. И тронусь в путь, как только закончу, честное слово!

– Приезжай когда сможешь. Я бабуле уже новость твою передала, и у нее есть, что тебе и рассказать, и отдать.

– Хорошо, родная. Ленка как?

– Да нормально. Ухажер тут у нас объявился, под домом трется постоянно.

– Не рановато ли? – нахмурилась я.

– Люсь, сестре как бы двадцатый годок пошел. Не вечно же ей одной.

– Ладно, приеду, гляну я на этого ухажера. И уши-то откручу, если что не так.

– Грозная старшая сестра, – ухмыльнулся ведьмак, как только я разорвала связь. – А так и не скажешь, чисто девочка-цветочек василечек.

– А я в основном и не такая, но за родных... – я осеклась,

не произнеся “убью”. Уже убила, как ни крути. – Ладно, я одеваться, – сказала и тут же вспомнила. – Только у меня внезапно и одежды с обувью нормальной нет.

– Предлагаешь мне тебя приодеть по случаю? – предвкушающе улыбнулся Данила. – Я целиком и полностью за, готов купить все, начиная с белья, но чур – примерки при мне.

– Да не надо мне ничего покупать. Я и сама куплю, только надо до магазина добраться.

– Вот до чего некоторые девушки от природы кайфоломщицы же! Зарубают лучшие души щедрой порывы на корню! Сама она может!

Не слушая дальше его причитаний, я отправилась снова рыться в своей сумке. Джинсы и свитер нашла, а вот куртка у меня была с плеча Егора, и из обуви только домашние тапки. Но тут появился Алька, неся перед собой те самые белые ботиночки. Чистые и сухие. Словно только из коробки.

– Бытовая магия? – спросила я его, улыбнувшись.

– Она самая! – гордо кивнул он.

– Здорово, но покупки резиновых сапог мне не избежать. Не знаю, что нам предстоит, но есть большая вероятность, что и по пересеченной местности побегать придется. А на каблуках это ох как неудобно.

Так что в белых ботиночках только до ближайшего торгового центра.

– Ох, не связывалась бы ты с этим балохвостом, хозяйка, – пробурчал слуга. – Вот хоть режь меня, а скажу. Такой везде

и всюду свою выгоду не упустит и себя сбережет, а вот что тебе выпадет его затеями...

– Алька, перестань. Ты же слышал ту женщину. Ну как тут не попытаться помочь?

– Да в том то и дело, что слышал я все до словечка. А от этого “Он” у меня и вовсе шкура вся дыбом. А ну как это кто с могуществом превеликим, раз девку и после смертушки не отпускает? Что ты с ним сделать сможешь, неученная ничему?

– Зато Данила ученый.

– Ученый и скользкий, что тот выюн. Вот случись что и ему будет не подюжить того лиходея, думаешь, не кинет он тебя на погибель?

– Обещаю быть внимательной и осторожной.

– Свежо предание...

Уже через пятнадцать минут мы ехали на дорогом черном внедорожнике ведьмака по городским улицам.

– Куда тебя вести прибахраться? – поинтересовался он.

– Куда-нибудь, где продают простую, немаркую, непромокаемую и удобную одежду и обувь, – пожала я плечами. – А то вечно все вокруг экипированы как на войну, а я одна как дура в белом.

– Хм... тогда есть предложение одеть тебя в магазине для рыболовов и охотников или вовсе в военторге. Лично я покупаю свое барахло для вылазок именно там. Тебе должен офигенски пойти стиль милитари, василек. Прямо представил

и вс... вслух сказать захотелось, ага.

Еще через час мы выходили из довольно невзрачного здания, внутри которого действительно оказался целый клондайк всякой не слишком красивой, но потрясающе практичной одежды. И даже не взирая на то, что моих размеров найти не удалось, особенно обуви, но все равно я ощутила себя натурально готовой к любым сюрпризам командос.

– Лара Крофт обрыдалась бы, разок на тебя взглянув, – заявил ведьмак, заценив мой вид.

– От смеха? – уточнила, подергав мешком висевший жилет с кучей карманов. Разгрузкой его вроде продавец нарек.

– Эх, не понимаешь ты еще своего убойного на мужиков воздействия, василечек, но мне так и лучше. Неуверенные в своей привлекательности девушки легче падают в лапы коварных соблазнительей и предаются разврату отчаяннее, чем возомнившие себя неземными красотками, которым все в этой жизни чего-то должны. Хотя и этих уложить...

– Не хочу этого знать! – возмущенно остановила этого адепта идеи всеобщей женской доступности я.

Глава 6

Данила созвонился с Бакшеевой, пока я была занята выбором и приобретением “рабочей формы”, как я окрестила ее про себя. На то, что пришлось тратить деньги из тех, что собиралась вернуть бывшему шефу и Наденьке, я уже временно махнула рукой. Так что запасливо купила не один комплект одежды с пятнами в серо-голубоватой гамме – натовский камуфляж – как мне пояснил пожилой и очень вежливый продавец с роскошными усами в процессе упаковки аж трех комплектов. Минимальный размер приглянувшихся мне песочного цвета ботинок отыскался тридцать восьмой, но с парой толстых носков для большего тепла не так уж и болталось.

– Так, василек, раз уж ты у нас такая скромная бессеребреница, то давай денежные вопросы стану обсуждать в нашем тандеме я, – сказал мне ведьмак, притормаживая перед высоченными, причудливой ковки воротами, за которыми начиналась длинная подъездная аллея к дому. Хотя тут так и напрашивалось слово “резиденция”. Уж ухоженный большой парк вокруг точно наводил на подобное сравнение.

– Я считаю, что в данном случае деньги брать это вообще дно, Данила, – вздохнула я.

– А я тебе уже говорил, что брать обязательно, и именно деньгами самый гуманный вариант. К тому же, как раз в этом

случае нужно испытывать минимум угрызений совести. Вот кому, думаешь, все эти бабки и богатства достанутся после скорой смерти Натальи Николаевны? Ближайшим прихлебателям и алчной родне, что начнут дербанить все со зверским остервенением, стремясь урвать ломоть пожирнее.

– Это не мое уж дело точно, – упрямо отмахнулась я. – На чужие деньги зазихать – грех.

– Ясно, – вздохнул наигранно удрученно Данила. – Короче. Решили – по оплате я у нас главный.

– У нас... – фыркнула я, наблюдая приближение двух крупных мужчин в костюмах и с рациями. – Прозвучало так, словно мы состоявшаяся команда.

– Конечно состоявшаяся. Мы с тобой уже разок классно отработали в паре и сегодня еще отработаем. Ты заценишь, какой я потрясающий партнер во всех возможных смыслах этого слова, и дело в шляпе – команда готова.

– А ты со всеми членами своей артели вот такие парные команды со всевозможным партнерством образовываешь? – уколола я.

– С некоторыми даже групповые, – фыркнул Данила, открывая окно. – Язва мелкая.

Он предъявил документы мрачным громилам, и нас пропустили. К моему облегчению, самой Натальи Николаевны дома не оказалось, она уехала в какую-то клинику, распорядившись предоставить нам полную свободу действий и передвижений на территории своего дома и участка. Дом оказал-

ся таким, как и показался – огромным, роскошным и немного пугающим из-за тягостной тишины и пустоты и завешанных повсюду черными полотнищами зеркал. А ведь больше трех лет прошло.

Само собой, нас одних не оставили. Один из здоровяков сопровождал в хождениях по коридорам. И к лучшему, учитывая, что попробуй тут сам найди, где чьи комнаты. Данила попросил нас сначала проводить в спальню самой Натальи Николаевны и под подозрительным взглядом безопасника облазил ее всю, пока я неловко топталась на пороге, спрашивая себя, какого черта вообще тут делаю. Осенний день быстро катился к вечеру, и под конец его осмотра и манипуляций со всякими странными штуками пришлось уже включать свет.

– Я закончил, – заявил ведьмак наконец и кивнул мне, – Теперь ты, Люсь.

У меня по-прежнему идей не было, поэтому брякнула первое, что пришло на ум.

– А можно меня проводить в ванную комнаты Маргариты? Или ее комнату...

– Нет, Наталья Николаевна запретила хоть что-то менять или трогать в апартаментах дочери, – нахмурился охранник и переспросил с отчетливой ноткой подозрительности, – Вам именно ванная нужна?

– Эм-м... – Вот кусок баранины, надо было просто попросить комнату показать, а не сразу про ванную, но чего уж

теперь. Не все ли равно, насколько чокнутой мошенницей он меня сочтет. Я тут не для того, чтобы симпатии заслуживать. – Да.

Нервничая все больше, я сходу пошла к раковине и, врубив воду, сунула под нее обе руки, воззвав привычно к своей текучей информаторше и помощнице. Но сосредоточиться на появившемся в ушах журчании не успела, потому как в помещение ворвалась какая-то жутко шумная женщина лет тридцати в роскошной шубейке.

– Вот! До чего докатились! Тетя Наташа совсем из ума выжила и в дом всяких шарлатанов таскать начала! – верещала она, некрасиво кривясь сопровождающему ее солидному пузателькому мужику и сверкая массой навешанных на себя драгоценностей. – Полюбуйтесь, Фридрих Карлович, что творится! И после этого вы все еще считаете, что я не права, настаивая на психиатрическом освидетельствовании тети и признании ее недееспособной? Вы посмотрите, кого она в дом пускает! – ткнула она рукой именно в меня. – У нее же на лбу написано – аферистка и воровка! А ну немедленно выверните ей карманы! – заорала она секьюрити. – Наверняка уже все драгоценности Марго перетаскала!

Я, опешив от такого напора, так и замерла, не оборачиваясь и не убирая кистей из-под струи и глядя на бешеную бабу в отражении огромного зеркала над раковиной.

– Танечка, у Натальи Николаевны есть полное право приглашать в свой дом кого угодно... – негромко пытался уве-

щевать скандалистку упитанный персонаж.

– Полное право? – взвилась она пуще прежнего. – А завтра она захочет все раздать каким-нибудь проходимцам, фондам всяким и приютам, и вы тоже скажете – ее право? А как же наши права?

– А вот это, василек, те самые акулы, кто вскоре начнут рвать чужое, что по умолчанию уже присвоили, и драться, – сказал мне спокойно Данила, будто рядом и не было остальных людей. – И как тебе они? Лицо ладонями прикрой на секундочку.

Говоря со мной, он выудил из одного кармана своей куртки флакончик с распылителем и, шагнув к орущей претендентке на чужое пока имущество, брызнул из него. Охранник успел сделать только одно движение, но тут же замер, как и толстяк с дамочкой. Руки их повисли вдоль тел, глаза остекленели. Воцарилась моментальная тишина.

– Танюшка очень устала, ей лучше отдохнуть. Да и вам обоим тоже. Прямо сейчас! – твердым голосом отчеканил Данила, и все деревянно повернулись и ушли, немного бес-толково потолкавшись в дверях. – Давай, работай, василек, а то минут через пятнадцать все развеется, а второй раз не работает уже.

– Ты страшный человек, – шокированно пробормотала я.

– Не человек, что еще страшнее, бу-га-га! – поддакнул ведьмак, скорчив мне в зеркале типа страшную гримасу. – Работай давай, василек.

Я старалась. Очень, честное слово. Вслушивалась в журчание и шелест в ушах, силясь разобрать хоть словечко до такой степени, что заломило в висках и перед глазами черные мухи замельтешили. Но ничего не выходило. Слов внятных не было, это скорее уж был какой-то поток эмоций. Тревоги, боли, тоски, страха, отчаяния... И все такое тяжелое, давящее, что меня в пот бросило от усилий просто дышать и тело задрожало, как будто я что-то делала на пределе своих сил. Сдаваясь, я сокрушенно выдохнула и, наклонившись, плеснула несколько раз на лицо водой, смывая щедро выступившую испарину. А выпрямившись, с воплем шарахнулась от зеркала, из которого на меня смотрело чужое мертвенно-серое лицо, наложенное поверх моего собственного, как полупрозрачная кошмарная маска.

– Зри моими глазами! – прошелестела я-не-я в отражении. – Иди моими стопами. Приди туда, где я. Помоги мне.

– Что, василек? – раздался встревоженный голос ведьмака совсем рядом, но при этом и как будто сквозь некую вязкую преграду, из-за чего он звучал с каким-то бульканьем. Словно вода попала мне не только в глаза, но и в уши. А еще я начала стремительно замерзать.

– Надо ехать! – ответила, услышав свой голос таким же странным, как и Данилы, и лязгнула зубами. – Сейчас!

– Куда?

– Просто поехали!

До машины я шла вся скованная, боясь оступиться или

сделать резкое движение, будто стала сосудом с жидкостью до краев, которую ни за что нельзя расплескать. И мерзла все сильнее и сильнее.

На дороге мы были наверняка теми еще геморными соседями по потоку, потому как о смене направления я сообщила ведьмаку в самый последний момент. А все потому, что как такового направления, как тогда в тоннелях, я не видела. Все дело было в пятне тусклого, как размытого изображения перспективы прямо передо мной. Оно и было ориентиром. Если при движении оно начинало “съезжать” вправо или влево, открывая реалистичное изображение мира, я тут же начинала вопить, что нужно поворачивать, потому как жутко боялась потерять этот “фокус”. Ведь черт его знает, удастся ли опять поймать его. Так что ведьмаку приходилось безбожно нарушать, подрезать, пересекать сплошные и прочее, нам сигналили и материли, благо окна закрыты. После выезда на загородную трассу стало в разы проще. Долгое время “фокус” вел исключительно прямо, и только часа через два пути, когда совсем уже было темно снаружи, пришлось свернуть на какое-то ответвление. Но проехали мы совсем немного и уперлись в сетчатые ворота, от которых в обе стороны шел забор из зеленой евро-сетки с витками колючки поверху. Надпись гласила, что дальше частная территория и проезд запрещен.

– Нам нужно туда, – указала я за забор, занервничав, когда Данила стал сдавать назад.

– Да понял я. Похоже, мы уже на месте, василек, и дальше исключительно пешочком. А тачку надо отогнать и припрятать пока, дабы не палиться. Там на воротах и так камеры, но мало ли, заблудились мы и сразу осознали и вернулись. Ты как? Терпишь еще?

Мое замерзание достигло уже, видимо, своего предела, и хуже не становилось какое-то время. А может, просто предел восприятия был преодолен. Я даже не почувствовала смены температуры, когда мы вылезли из теплого салона машины в темноту и сырую промозглость снаружи. Так что просто молча кивнула.

– Идем без фонарей, Люсь, так что цепляйся за мой локоть и смело повисай, я попру обоих, ты главное командуй куда, но шепотом уже.

– Разве нам не стоит позвонить... к-к-куда-ниб-б-будь? – сдерживая лязганье зубов, процедила я. – Выз-з-звать п-п-полицию.

– Люська, ты как маленькая! – вздохнул Данила и пошел, таща прицепившуюся меня. – Что мы имеем им сообщить? Никто нас слушать не станет.

– Егор стал бы.

– Только это дело походу чисто человеческое, а он таким не занимается, – практически огрызнулся ведьмак. – И что-то все эти бравые людские копы за три года в деле не слишком-то продвинулись.

С дороги мы сошли, и я не представляла, как он умудрял-

ся что-то видеть в темном лесу. Поэтому остановка перед сеткой забора была для меня совершенно неожиданной.

– Ну и как мы... – начала я, а Данила уже что-то извлекал из одного из своих карманов.

На этот раз это было похоже на пузырек с лаком для ногтей и такой же маленькой кисточкой в крышке. Завоняло противно, а Данила очень быстро, но не суетливо прошелся мазками по прутьям сверху и снизу, и уже прямо в процессе намазывания они стали один за другим падать на пожухлую листву. Через пару минут образовался проход полтораметровой ширины.

– Осторожно переступай, не зацепи прутья, а то приятно-го мало будет, – сказал он, взял сзади за плечи и, пригнув мне голову, направил в пролом.

– У тебя на все случаи жизни есть бутылечек? – спросила шепотом, как только пошли дальше.

– Хотелось бы в это верить и прихвастнуть, василек, но это очень вряд ли. Мы правильно идем?

Как ни странно, почти полная темнота вокруг никак не мешала мне видеть “фокус”. Он исправно затуманивал перспективу в определенном направлении и при смене курса съезжал, как и раньше.

– Хотелось бы мне иметь такую уверенность, – ответила я в тон ему. – Но пока веду, куда меня ведут, а там увидим.

Прошагали мы молча еще что-то около получаса, когда впереди блеснула в тусклых лучах ущербной луны водная

гладь, а над ней еще что-то светилось. Очень похоже, что большие окна какого-то дома, что был построен у самого водоема.

А мои ноги при виде воды будто сами подхватили-понесли, да так, что Данила придушенно выругался, догоняя меня.

– Куда, блин, рванула, Люська?!

– Оно само! – прошипела я в ответ, оправдываясь. – Она же сказала “Иди моими стопами”, вот они и идут.

– Ясно.

Блин, на душе почему-то стало приятно от этого его краткого “ясно”. Ведь я только что абсолютно бредовую вещь сказала, которую слышала только я, а он понял без вопросов. И все. Идем дальше. Может, и не такая плохая штука – партнерство с ним в этой моей рехнутой новой жизни.

Что случилось, как только мы вышли к озеру, я так и не поняла. Будто кто меня за грудки схватил и рванул с огромной силой, роняя лицом вперед в воду, и сразу потащил на глубину. Причем глаза я умудрилась не зажмурить, поэтому четко видела, как при вхождении в воду ведший меня “фокус” отделился от моего лица, становясь снова чужим отдельным полупрозрачным лицом, к которому прилагалось и все остальное такое же призрачное тело девушки. Маргарита. Узнала ее по многочисленным фото в спальне матери. Ее темные волосы действительно плавали вокруг нее, как и описывала Наталья Николаевна, и вокруг тонкой фигурки плыло некое светлое одеяние. Призрак протянула свои эфемер-

ные руки и обхватила мои щеки. Совсем, надо сказать, не эфемерно, а словно заключив мое лицо в стальные тиски. А вслед за этим прикосновением в мое сознание хлынули бешеным потоком жуткие картины.

Глава 7

Чудовище, монстр под личиной друга семьи, что наблюдал за ней годами, сходя постепенно с ума от своей больной похоти. Он бывал в их доме очень часто, вел с ее матерью дела, был одним из самых доверенных деловых партнеров. Завидный красавец холостяк средних лет, за которым на любом мероприятии волочился шлейф из вожделирующих его тела и денег женщин. Никто бы и никогда его не заподозрил. У него было и могло быть практически все, чего бы он пожелал.

Но не девчонка, образ которой поселился в его мозгу с уродливым изъязном.

Он обезумел, поняв, что у Маргариты появился парень и вот-вот какой-то щенок заберет то, что он так давно привык считать своим. Монстр, таившийся в его нутре, вырвался, обратив мигом в изворотливого и коварного хищника, построившего сходу идеальную ловушку для вожденной добычи. А потом он активно участвовал в поисках, разыскивая самого себя, а потом возвращался к своей несчастной пленнице, с насмешкой рассказывал ей о тщетности усилий близких, а потом снова и снова делал это. Топил и насиловал. Я видела все: мрачный застенок, где она провела свои последние дни, жуткую скамью с ремнями и механизмом для изменения наклона, огромную бадью с водой в изголовье. Я почувствовала каждую ее эмоцию: ярость, ужас, боль. Марга-

рита не сдавалась сразу. Она сражалась с ним, каждый раз, но он всегда побеждал, потому что был намного-намного сильнее.

И начиналось истязание.

Захлебывалась, задыхалась, почти умирала раз за разом, ловя горящими легкими мизерные глотки воздуха, пока извращенное чудовище терзает твоё тело, наслаждаясь каждой твоей конвульсией, и нашептывает омерзительные похвалы и нежности. Это тоже прошло через меня, и мои мышцы чудом, кажется, не лопнули от судорог.

А потом я умерла вместе с Марго. И это было первой радостью в поглотившей её крошечной тьме.

Ведь обещало избавление.

Радостно было слушать метавшийся между глухими стенами рев потерявшего жертву, заигравшегося чудовища. Но нет, она не смогла обрести свободу. Убивший её монстр неизвестным образом продолжил удерживать её душу, он не пожелал, не смог её отпустить. И по какой-то огромной вселенской несправедливости его мерзкое желание перевесило стремление бедной девичьей души к свободе. И мучения продолжились.

Вот только теперь место её живого, проходящего через насилие тела на кошмарной скамье заняла новая девушка, а бедная Марго вынуждена была незримо наблюдать её страдания, переживая одновременно заново свои. А вслед за первой девушкой были ещё. Надолго монстру их не хватало, он

становился все более ненасытным к их мукам, и ни одна из них не могла больше быть его изначальной одержимостью. Они были не она и платили еще и за это без вины.

– В тебе так много жизни... – шелестело в моих ушах жалобно-тоскливо. – Столько жизни... А у меня больше нет... Дай мне... Дай хоть немного... Столько не успела...

И я захотела отдать.

Пожелала, умирая теперь от жалости и сострадания. Дать хоть что-то от себя тем, у кого нет ничего... Марго и остальным, что тоже уже рядом, что касаются меня своими призрачными руками, вцепляются намертво, держат и тянут-тянут меня и из меня...

Рывок, слитный отчаянный преследующий вопль, и я упала на землю, тут же замерзая на ветру. И это другой совсем холод, он снаружи, не вымораживает все внутри как до этого. Он реальный, им дышишь, и каждый новый вдох как счастье. Потому как просто вырваться из пространства неуспокоенных мертвых, прошедших через муки и так отчаянно желающих вернуть, дожить хоть самую малость недожитого – это действительно похоже на счастье.

– Люська, дура! Что творишь! – прорычал где-то рядом ведьмак. – Они тебя же чуть не выпили! Ну как ты повелась? Я повелась? На что?

– Ты видел? – прохрипела, моргая и радуясь возвращению своего нормально восприятия, без всяких чуждых наложений. – Марго где-то тут, в этой воде. И еще девушки.

– Да уж увидел, – пробурчал ведьмак, рывком поднимая меня с земли. – Насколько у меня нервы крепкие и повидал всего, и то чуть не обосрался. Ты только в воду хряпнулась, и они на тебя как пираньи со всех сторон налетели, облепили. Я же тебе говорил, что вот такие жертвы пипец какие опасные призраки, а эти еще видать и объединиться как-то сумели. Чур меня! А теперь давай, Люсь, надо шевелиться, чтобы не застыть совсем. Погнали к машине. – Он вытащил телефон и выругался. – Вот, сука, связи нет. Хотя предсказуемо.

– Нет, она мне сначала показала вс... – принялась объяснять я, позволяя увлечь себя от воды, но тут мой мозг наконец включился. – Погоди! Мы просто возьмем и уйдем? Ничего не сделаем?

– Василек, мы нашли самое главное – где останки. Где-то здесь. Что, по-твоему, мы можем сделать своими силами? У меня в кармане нет ни акваланга, и даже маски с ластами не завалилось. Да и будь они, не забывай, что мы находимся на территории частной собственности и нас имеют полное право задержать, а то и пристрелить. С такими бабками отмазаться не проблема. Если вообще кто заморачиваться по закону станет. Я отдыхать на дне даже в компании целой толпы прежде милых девушек и твоей, в частности, пока не готов. Сейчас выберемся к месту, где ловит сеть, и я свяжусь с заказчицей. Бакшеева дама влиятельная и обладает массой недоступных нам ресурсов, в том числе и силовых. Пусть вызывает сюда свою кавалерию и добивается по закону ли или

тупо по беспределу возможности обыскать тут все. Наша работа в принципе закончена.

Говоря все это, он продолжал быстро шагать, а меня практически тащить на себе, периодически поглядывая на экран телефона.

– Вот сука! – ругнулся Данила, а по глазам мне полоснул яркий луч мощного фонаря. – Так, не бойся, прорвемся.

– Это охрана? Но как они...

– Похрен! – Очередной яркий луч скользнул в паре метров от нас, и Данила без предупреждения упал на живот, увлекая за собой и меня, навалился и зашептал на ухо. – Так, василек, слушай сюда: я сейчас побегаю тут, отвлеку их, а ты дождись, когда они мне на хвост сядут, и живенько дуй обратно к тачке. На, держи ключи и телефон. Пароль один, девять, шесть, пять, ноль. Как только начнет ловить – звякнешь Наталье Николаевне и все сообщишь.

– Что сообщу? Я же не знаю ничего, даже где мы!

– Не тупи, Люся! Ты знаешь имя убийцы, остальное докумекают. Да по пеленгу телефона пробьют наконец. Найдут.

– А ты как же?

– Скорее всего, я тебя догоню еще до того, как ты до тачки дотопаешь.

– А если нет?

– Садись и уезжай!

– Я не вожу!

– Тогда бодренько добежишь до трассы и поймаешь по-

путку. Увидимся дома, все!

И он резко встал и побежал как раз по направлению к ближайшему лучу.

– Стоять! – Заорали там мужские голоса. – Ах ты сука! Стой! Стрелять будем!

Последнее было реакцией на то, что ведьмак метнулся в сторону и побежал прочь от меня и преследователей. Я вздрогнула, когда действительно грохнуло два выстрела, но заставила себя лежать тихо, как и велено. И только когда погоня скрылась из виду, вскочила и понеслась к месту пролома в заборе. Надеюсь, что действительно туда и я не заблужусь в темноте. Подсвечивать себе телефоном я не стала. Во-первых, это выдаст меня, а во-вторых, толку от этого никакого среди деревьев. Только больше путаешься и не видишь всей картины вокруг.

Пролом я таки нашла и чуть не завопила от радости, когда телефон ведьмака дернулся, оповещая о сообщении. Связь, похоже, есть! Пригнула голову, собираясь шагнуть в дыру, и тут же от ближайшего дерева отделилась темная фигура, и в глаза мне ударил ослепляющий луч.

– Так и знал, что он не один, – произнес мужской незнакомый голос, и меня грубо развернули и толкнули лицом к забору, заломив руки. Гаджет ведьмака полетел на землю. – Ну и какого черта вы тут устроили, ребята?

– Мы заблудились! Ай! – по моему телу начали торопливо шарить чьи-то бесцеремонные лапы. – Прекратите! Вы права

не имеете меня обыскивать.

– Не вякай! Заблудились они. Еще скажи грибники. А забор вы нам изгадили, потому как у нас самые грибные места. – Мужик нащупал у меня в кармане телефон – подарок Волхова – и вытащил, попытался оживить. Бестолку. Да уж, одежде и технике со мной патологически не везет. – Сдох, она ведь мокрая вся. А удостоверения никакого нет. Никаких документов вообще. – Дядя, ты удивишься, их и правда нет, причем от слова совсем. Блин, это если полицейским сейчас сдадут, сколько мороки начнется с установлением моей личности. Как бы не пришлось просить с Волховым связаться. – Слышь, ты какого черта в воду в такой холод да еще в шмотье полезла?

– Мы заблудились, – упрямо пробубнила я. – Оступилась и упала.

В этот момент гаджет, что он вертел в руках, моргнул таки экраном, сообщая о том, что рано я его похоронила.

– О, живой! – хохотнул удивленно мужик. – Надо же, этими навороченным моделям сейчас и вода уже нипочем? Пароль говори, посмотрим, че у тебя там и кто ты есть по жизни. Или он у тебя по отпечатку?

Я, само собой, упрямо молчала.

– Митрич, забей, – вмешался в наше общение еще один голос. – Я телефон ее подельничка взял, так что повели их к шефу, пусть он сам с ними разбирается.

– И то верно, – все так же удерживая за заломленные ру-

ки одной своей лапой, охранник развернул меня, причиняя боль в плечах, и пихнул вперед. – Шагай, сказочница. И охота вам вот так шастать сюда, рисковать шею сломать, и все для того, чтобы потом гадость какую про Александра Петровича тиснуть где-нибудь? Сколько же вас гонять, неумные.

– Или больно жадные, – поддакнул ему второй. – И тупые.

То есть они нас за блогеров каких-то, склонных к разоблачениям, или журналистов приняли? Ну тогда реально можно выдохнуть, ничего особо страшного нам не грозит. Полиции точно сдадут скорее всего с парой подзатыльников, иск, может, какой впают, и все проблемы. Но что-то у меня на душе становилось все тяжелее и тяжелее, чем отчетливее могла разглядеть огромные окна все приближающегося дома, что наполовину стоял на сваях над водоемом, как оказалось.

– Да шевелись ты быстрее, девка! Замерзнешь ведь совсем, будешь потом с воспалением легких валяться. Стоит оно того разве?

На крыльце нас встретил еще один охранник в камуфляже вроде моего.

– Баба, что ли? – окинул он меня пренебрежительным взглядом.

– Ага, – ответили ему из-за моей спины.

– А с лицом у нее че?

– Да хрен знает. Небось лезут же вот так везде, вот и отоварил кто-нибудь. Куда ее?

– К шефу в малую гостинную, там мы уже дружка ее при-

парковали. Ты, Митрич, прям как в воду глядел, когда сказал, что неспроста он из себя зайца петляющего перед нами корчил. Эту прикрывал, давал шанс свалить по-тихому. Ну ничего, у нас тут для таких любителей побегать припасено кой-чего, так что отбежался быстро.

Ой, надеюсь, с ведьмаком все в порядке.

Меня снова пихнули в спину, понуждая подняться по лестнице, и я подчинилась. На интерьеры не глазела, потому что сразу увидела ведьмака, стоящего со скованными за спиной руками перед мужчиной, в котором я безошибочно опознала убийцу Марго и остальных девушек. Она ведь его с абсолютной четкостью показала мне, когда “транслировала” свои воспоминания прямиком в разум. И впечатления были еще настолько свежи, что мне с трудом удалось не ломануться с воплем ужаса сломя голову от этого чудовища.

– А вот и подельница, – глубоким, даже каким-то бархатистым голосом приветствовал мое подконвойное появление Александр-гори-ты-в-аду-Петрович.

Высокий, фигура спортивная, явно следит за собой, гад. Черты сейчас, когда не искажены жутко, как в воспоминаниях Марго, классически красивые даже, благородная седина на висках. Ведь наверняка женщины за таким табунами ходят. Красавец, еще и богатый – по нынешним временам товар мега-востребованный. Ну и чего ему не хватало тогда?

– И очень миленькая. Заходите, девушка, присоединяйтесь, мы тут с вашим другом беседуем как раз о том, что

вторгаться на чужую частную собственность не есть хорошо. И крайне чревато последствиями.

Охранник выложил на журнальный стол оба наших телефона, отчитавшись, что документов не обнаружено, а я виновато глянула на Данилу, почти ожидая его фирменного “Дану Люся же!” Но вместо этого натолкнулась на его напряженный взгляд. “Он?” – спросил ведьмак одними губами, и я кивнула. Дальнейшее произошло просто молниеносно. Об пол глухо звякнули его упавшие наручники, Данила ринулся вперед, врезаясь плечом в грудь хозяина дома, роняя его, ну точно как это делают игроки в регби. При этом сам он каким-то непостижимым образом ухитрился взлететь обратно на ноги молниеносно и, опережая ломанувшихся к нему охранников, бросился к одному из огромных окон. Ударился в него, вынося собой и вываливаясь наружу. И умчался куда-то, оставляя меня в лапах маньяка и его охраны. Офигеть поворот. Алька, а ты был прав, выходит.

Глава 8

Охранники бросились вслед за ведьмаком, я же подумала, что стоит тоже рвануть отсюда, пока при памяти. Ну не погонится же этот урод за мною самолично. Не хозяйское это дело.

– Не стоит убегать, девушка. Все равно ребята вас поймут, еще и помнут сгоряча, – шагнул ко мне Александр Петрович поближе, рассматривая цепко или даже липко что ли. Его взгляд скользил по моему лицу и волосам, оставляя там буквально физически осязаемый след скользкой мерзости какой-то. Мерзости, что быстро трансформировалась в просачивающийся сквозь кожу ужас, постепенно оборачивающий сердце все более плотным покрывалом. – А ваш приятель тот еще рыцарь. Бросил вас на растерзание, можно сказать. – Ага, без “можно сказать” уж точно, учитывая, кто ты. – Он же не знает, вдруг я неадекватно реагирую на вторжение в мою личную жизнь и могу навредить вам. – Вот как раз знает прекрасно, но сбежал, скотина подлунная. – Хотя, как посмотрю, он и сам не брезгует рукоприкладством. Это же он сделал? – Маньяк протянул руку и коснулся моей скулы с пожелтевшим синяком.

– Не... – Я буквально поперхнулась словом, заметив мгновенную метаморфозу глаз мерзавца.

Только что их радужка была вполне обычной – темно-ка-

рей, но едва он дотронулся до моей кожи, как вокруг черного провала зрачка появилось тонкое кольцо ярко-желтого, почти оранжевого цвета. Страх, растущий во мне, стал быстро набирающей обороты паникой. Он какой-то подлунный? Кто-то сильный, а подставщик Лукин понял это и свалил поэтому, спасая свою шкуру? А он знает, кто я? И что теперь? Я могу его проклясть? Подействует? А если я проклянусь, он поймет и пришибет уж точно в отместку. Насколько же он может быть силен и защищен, если даже опытный ведьмак счел за благо сбежать?

Я отшатнулась от его прикосновения, не отпуская взгляда, и ноздри убийцы дернулись жадно, а яркая полоска в зрачке стала еще заметнее. Он весь напрягся, будто готов на меня наброситься, если сделаю хоть шаг. Как будто был котом, алчно наблюдающим за мышонком. Пока недвижим, и хищник весь натянут, но не нападает, рванет грызун с места, и все – пропал в когтях. В моей голове наступила полная пустота от страха. Я оцепенела, не делая ни единого движения, чтобы не спровоцировать его, а в висках только билось “что-делатьчтоделачтоделать?!”.

– Как вас зовут? – Александр Петрович и не подумал опустить руку, наоборот, подцепил прядь моих волос, выбившуюся во время возни у забора из хвоста, и пропустил между пальцами. – У вас такие красивые темные волосы.

Пипе-е-ец Люсенку. Вот тут мне совсем заплохело. У Марго же тоже были длинные темные волосы. И у всех

остальных убитых девчонок тоже. Вот это я влипла. Ну не станет же он меня... Меня же эти охранники его видели. Ага, видели, но кому скажут? Кто меня искать в принципе станет, а тем более здесь? Данила, какой же ты...

– Поймали! – В коридоре затопали, и в гостиную ввалились трое охранников с Данилой, у которого опять были руки за спиной. – Связали теперь. Фокусник, смотри какой, наручники расстегивать. Шеф, что, ментов вызываем и сдаем? Оборзел совсем, мало того, что вломились в чужую собственность, так еще и окна выносить.

Александр Петрович повернул в их сторону голову медленно, будто делал над собой усилие.

– Никакой полиции, – процедил он, потеряв пальцами горло и поморщившись. – Мы пришли к пониманию с милой дамой и решили забыть об этом недоразумении и разойтись друзьями.

Чего? Нет-нет-нет!

– Неправда! – выкрикнула я. – Вызывайте полицию немедленно!

– Так этого развязывать, что ли? – спросил недоуменно охранник, судя по голосу один из тех, что изловили у пролома меня, словно и не замечая моего возражения.

– Са... – Хозяин дома ужасов сбился и прокашлялся, сильно нахмурившись, причем выражение его лица отражало удивление как будто. – Савельев останется и развяжет, а после вывезет их с территории. Остальные отправляются

нести службу в обычном режиме. Свободны!

Ой как мне все это не нравится. Зато судя по довольной морде ведьмака ему все очень даже нравится. Вон даже лыбится как-то зловеще и головой покачал, прошептав “Не надо”, когда я хотела снова возмутиться. Ну и какого черта?

Мужчины, они же свидетели, при ком нас сходу убивать не с руки, потянулись на выход, оставляя нас в обществе маньяка, которого опять настиг приступ кашля, и его прихлебателя гориллоподобного вида, что вперся в меня тяжелым взглядом мясника, оценивающего фронт работ перед привычным забоем скотинки. Выходит, этот в курсе жутких пристрастий хозяина, да еще и на подхвате, помогая уроду. А сам-то громадина какая, ручищи лопаты целые совковые, еще и непропорционально длинные, надбровные дуги нависающие и ноздри огромные, чуть вывернутые, ну точно обезьяна.

– Девку вниз, Петрович? – пробасил он, как только шаги затихли. – А с этим что делать?

Но ответить ему хозяин не смог, потому как уже просто зашелся в изнурительном приступе свистящего и булькающего кашля. При этом его глаза выпучились, и в них читалось крайнее изумление. Он согнулся, хватаясь за спинку кресла, и замахал второй рукой оставшемуся охраннику.

– Что, Петрович? Врача? Воды? – очень медленно оттормозился горилла, оторвавшись от рассматривания меня, и полез в карман за телефоном. Походу, без команды примат

примитивный действовать был не приучен.

– Люся, не тормози, блин! – Данила чувствительно толкнул меня в плечо и развернулся спиной, подставляя свои связанные кисти.

Я отмерла и принялась развязывать толстую веревку, ломая ногти и выворачивая пальцы. Процесс не шел, тот, кто вязал эти узлы, дело свое знал и затянул на совесть.

– Блин, на столе! – уже в полный голос рявкнул ведьмак, глянув на мои потуги через плечо, и это привлекло внимание помощника-бабуина, что был отвлечен на все продолжающего захлебываться кашлем хозяина.

– Эй, че удумали! – ломанулся он к нам, но Данила неуловимо переместился ему навстречу, умудрившись встретить на подлете ударом лба в лицо. Тот взвыл, закрутился на месте, умываясь кровью.

– Люська! – окликнул Данила меня, торопя, и я бросилась к журнальному столику, где помимо наших телефонов была свалена еще куча всякого мелкого барахла, судя по всему, содержимое карманов ведьмака. Среди него мелькнул и нож с выкидным лезвием, который я и сцапала.

– Только не дергайся! – попросила я, взявшись пилить веревку.

Лезвие оказалось очень острым, и крепкие волокна разошлись под ним без труда с моей стороны. И очень вовремя, так как у человека-обезьяны прошло оглушение от удара в переносицу и он снова бросился на нас. И теперь он на-

верняка был в курсе о скорости и умениях Данилы, потому как не кинулся в лобовую, а принялся кружить, делая обманные замахы. Но это не сильно ему помогло. Ведьмак сначала несколько секунд стоял на месте, отслеживая его и слегка уклоняясь, а потом просто изловил его руку в полете в очередном выпаде, дернул к себе, а дальше я только и видела, как летит на пол бесчувственное тело.

Александр-сдохни-как-шакал-Петрович уже тоже сполз на пол с багровым лицом, хрипя, задыхаясь и раздирая ворот рубашки скрюченными пальцами. Ведьмак в его сторону даже не глянул, сгреб со столика и сноровисто рассовал по карманам свое добро, кинул мне в ладони мой телефон и так же быстро обшарил уже карманы Савельева, выудив из нагрудного ключи от машины.

– Ходу, василек! – скомандовал он мне и для верности ухватил за руку, потащив куда-то.

– Это ты сделал? – спросила я, напоследок мотнув головой на хрипящего хозяина дома.

– Конечно.

– Он умрет?

– Не вот прям счас.

– Я думала, ты меня бросил, – призналась честно.

– Не бросил, а оставил на крайне короткое время, в котором нуждался для нанесения сокрушительного удара по противнику, чьи физические характеристики оказались неожиданностью для меня.

– То есть, говоря простым языком, нежданчик вышел с личностью Александра Петровича? – немного язвительно уточнила я.

– Или так, – запросто согласился Лукин, остановился в коридоре и развернулся, потащив меня обратно, на развилке свернув теперь в другую сторону, ворча: —Понастроят катакомб, сука.

– Этот Александр Петрович, он что, какой-то подлунный?

– Бесово отродье, – ответил не оборачиваясь ведьмак, толкнул очередную дверь и выдал довольное: – Ага!

Мы очутились в подвальном гараже, где стояло три авто. Данила ткнул в кнопку брелока, и крайний внедорожник моргнул стопарями, откликаясь.

– Живо пристегивайся! – велел он, буквально запихнув меня на сиденье. – Я пульт от ворот гаражных не взял, возвращаться не буду, так что тряхнет слегка.

Взревел движок, меня вжало в сиденье от резкого старта, а потом тряхнуло, да еще как. Лобовому хана, и несколько десятков метров мы неслись вслепую, потому как покореженный лист металла никак не хотел слетать с не менее искореженного капота.

– Ну у тебя и методы! – прошамкала я, сглатывая кровь от прокушенного языка.

– Не свое – не жалко! – азартно хохотнул ведьмак и прибавил газу.

– О нет, опять! – проныла я, наблюдая, как на нас с огром-

ной скоростью несутся ворота. Точнее, мы на них. Хорошо хоть в этот раз сетчатые, а не глухой металлопрофиль. Плохо, что у нас от стекла лобового и так уже какая-то занавеска из искрящихся от фонаря осколков, чудом держащаяся еще на месте.

– Правда, я охрененный и со мной не заскучаешь? – подмигнул мне Данила, снеся очередную преграду под вопли офигевшей охраны. – Не то что какой-то там стремный скучный коп!

– На дорогу смотри!

– Не бзди, василек, уже все норм! Домчу с ветерком!

– Псих ты!

– Зато какой обаятельный и мегасексуальный.

Ответить я не успела, так как мы донесли уже до места, где было спрятано в кустах авто ведьмака. Он круто, с визгом покрывок, развернул чужой тяжелый внедорожник, наградив меня еще одной шишкой, и поставил его так, чтобы перегородить и так неширокую дорогу. Зашвырнул ключи в лес, и мы торопливо пересели в его машину, которую он повел дальше не в пример чужой бережнее.

– Ты сказал, что этот гад был бесовым отродьем? – чуть отдышавшись и справившись с нервным мандражом, начала я. Моя покойная бабуля рукодельница, та что по папиной стороне, так ругалась на своего кота, когда он шкодил. Только у нее, рожденной на юге России, звучало скорее как “бисово отродье”.

– Ага, так и есть. Глаза его заметила или все промухала со страху?

– Ну, знаешь ли! – возмутилась я. – Легко обвинять кого-то в трусости, когда это не ты девушка, что подходит под излюбленный типаж жертв маньяка, да еще и подлунного!

– Бесов, демонов и их потомков не принято считать подлунными. И я не обвинял тебя в трусости, василёк, ты чего! – Он как бы невзначай погладил меня по бедру, мигом убрав лапу, когда я замахнулась по ней хлопнуть. – Я бы еще там в озере от страха сдох, клянусь!

– Спасибо, что спас, – опомнилась я. – Теперь я тебе, выходит, должна?

– Херня, считай, мы в расчете. Я тебя втянул в это, так что какие долги, – легкомысленно отмахнулся Данила, впрочем, тут же добавил, покосившись на меня лукаво. – Так, вычту чуток из твоей доли, и все дела.

– Да пожалуйста! Ты мне про бесово отродье расскажи.

– Любопытный василечек? Это хорошо. Только погоди, я сейчас заказчице звякну быренько и расскажу.

Под мое тихое ворчание о нарушениях правил, он все же набрал номер.

– Наталья Николаевна? У вас имеется желание вогнать каблук в яйца ублюдку, повинному в насилии и смерти вашего ребенка? – Я аж вскинула голову, изумленно воззрившись на него. Офигеть! Вот это и называется сразу переходить к делу, да? – Тогда вам стоит срочно выяснить, в какую

клинику в течение ближайшего часа доставят прекрасно вам известного господина Скворцова. – Пауза. – Абсолютно точно он. Он будет жив еще где-то часов пять, но ему будет так больно, что смерти он себе желать станет каждую секунду. И это совершенно бесплатно. Тело? Тут вам придется добиться возможности обыскать дно того самого озера, над которым построен его загородный дом, и, скорее всего, провести генетическую экспертизу, и не одну... Да, не только Марго. Знаете, где это? Да, вы правы, у него хватало совести приглашать вас в дом, где он истязал и убил вашу дочь... Не стоит благодарности, отведите душу. Увидимся еще.

– Ты соображаешь, что она реально сейчас на эмоциях сотворить может? – нахмурилась я на ведьмака.

– Получит хоть какую-то компенсацию за те страдания, через которые прошла? – легкомысленно дернул он мощным плечом, явно не впечатленный моей строгостью. – Люся, среди подлунных совсем не популярна концепция прощения.

– А о том, что ее это может еще и в тюрьму привести, ты не подумал?

– Василек, поверь, не в ее состоянии и с ее состоянием этого стоит опасаться. Она уже почти на пороге суда высшего, ей ли бояться людского.

– Ну... – Что тут еще возразишь, да и стоит ли? – Ладно. Давай тогда рассказывай.

– А ты переодеться в сухое не хочешь? Там и пакет какой-нибудь валяться должен для мокрого. – Он мотнул го-

ловой на заднее сиденье, и я перелезла туда прямо на ходу, схлопотав шлепок по заднице. – Ну не сдержался, уж прости. Так вот: бесы и демоны, как ты понимаешь уже, вполне себе реальные персонажи нашей жизни. Правда, демонов и их потомков давненько никто не видал. Демоны умные и если и творили зло в человеческом понимании этого слова, то никогда не бездумно. Ну знаешь, как в киношках принято показывать, эдакое зло ради самого зла и бесконечные реки крови, кишки на ветках и вырванные сердца на тарелках, короче, жестокость и насилие ради самого процесса. Нет, они вроде как ученые даже больше, исследующие границы возможностей магии во вселенной или типа того. Понятно, что с жертвами в ходе своих изучений никогда не считались, люди, да и большинство подлунных для них так, муравьи какие-то, снующие под ногами. Кто их берет в расчет? А вот бесы, они тоже из темных тварей, но тупые-е-е! – Рассказывая, он, ни капли не скрываясь, пялился, как я переодеваюсь в зеркало заднего вида, даже подстроил его для удобства, но я уже забила. Пусть его. – Типа гопоты быдловатой, знаешь. Они как вырываются к нам с той стороны, так давай творить всевозможные непотребства. Громят, убивают, бухают страшно, насилуют не разбирая пола и возраста, всеми видами наркоты закидываются. Отрываются по полной. Поэтому их, конечно, вычисляют и мочат быстро, даже эти отдельские “коекакеры“, но вот следы в виде зачатых в загуле детей бывает остаются. И этот самый Скворцов – один из

таких выродков. Может, бабушку его бес когда-то оприходовал, или несколько поколений назад вообще такое случилось, не суть. Главное результат. Вылупился он такой на белый свет, а бесова натура однажды вылупилась из него. И эта же часть сути душу Марго и остальных жертв, походу, и удерживала.

Глава 9

– А он сам знал? – спросила, вздохнув от удовольствия. Сухая футболочка, класс! В моем новом существовании сухая одежда про запас явно становится меганеобходимой, так что молодец я такая, что купила не один комплект камуфляжа.

– Не, навряд ли. Он нигде в обществе подлунных не зашел.

– Ты сказал, такие, как он, не подлунные.

– Ага, темные твари с того света. Мы, подлунные, как и люди, как ни крути, все же из этого, а они вот нет. Мне потому и побегать пришлось, Люсь. Простое проклятье от тебя или меня не взяло бы его. Нужно было делать что-то через физический контакт. Я его сначала пометил, коснувшись кожи, и волос успел прихватить. – Ух ты, а он ловкач еще тот, когда все успел? Вроде только сшиб на пол Скворцова и ломанулся прочь, а вон чего. Учиться тебе, Люся, и учиться еще. Нет, сама я какой-то командос никогда стать не мечтала, а уж с магическим уклоном и подавно, но если тебе выбора не оставляют, то лучше быть готовой. – А пока эти дурни гонялись за мной, и сотворил ему черную духоту.

– Черную духоту? Это заклятье такое?

– Заклятье – это прям что-то масштабное, Люсь, его на коленке и на бегу не сляпаешь. Так, порча быстроедействие.

ющая. Видала, как его скрутило? И впереди еще, пока не сдохнет, несколько часов “приятностей”. Он будет задыхаться все сильнее, и никакими медицинскими штуками ему не помочь.

– Он заслужил это за то, что творил, но знаешь... это так страшно все же. То, что ты и другие подлунные умеют подобное.

Воспоминание о том, как сама корчилась тогда на асфальте под чужими безразличными взглядами, хватая воздух, которого внезапно не хватало, пробрало до самых кишок, что от него же и скрутились в ледяной узел. А еще, как я Наденьку по незнанию...

– Люськ, а Люськ, а поехали ко мне? – неожиданно сменил тему, сбив меня с мрачных и мигом придавливающих к земле мыслей, ведьмак. – У меня тут дача рядом совсем. Минут пять в сторону с трассы.

– Данила, а просто друзьями нам быть не вариант? – со вздохом спросила, поймав в зеркале его взгляд своим укоризненным. – Или деловыми партнерами уж? Без вот этого всего?

– Понимаешь ли, василек, как-то неправильно хотеть трахнуть своего друга, так, что моментами яй... зубы сводит, – ослабился он мне в ответ нисколючки не смущенно и притормозил на обочине. – А не хотеть не выходит, никто же этим управлять не может, ты же достаточно большая девочка, чтобы понимать такое. И кто сказал, что секс помеха

дружбе?

Ой, ясно, сейчас начнется массированная атака с приведением кучи разнообразных доводов “за” и убеждением в бессмысленности отказа. Блин, я после всего этого реально без сил, неужели и правда нельзя обойтись без этого дурацкого противостояния?

– А разве нет?

– Это плохой секс помеха, потому как в нем кто-то обделен, а значит просто использован. Или когда у одного это больше чем дружба, а партнер опять же этим пользуется, корча из себя ни хрена не понимающего друга. А когда хороший, и у обоих четкое понимание сути происходящего, то это дружбе только плюс. БОльшая степень доверия возникает, василек.

– Разве доверие в мире подлунных не глупость и слабость?

– Так и есть. Но ведь и секс нам необходим, тут никуда не денешься. Поэтому стоит заниматься им часто и помногу, чтобы научиться различать, когда он чисто физиологическая или магическая необходимость, но никакой реально расслабухи, а когда дружеское комфортное действие.

Ага, о любви и романтике речи вообще не идет. Разные вы с Волховым, разные во всем, но в этом отношении – нет. Хотя и в вопросах использования окружающих в своих целях тоже недалеко друг от друга ушли, каких бы заумных словесных конструкций вокруг не возводили.

– У тебя на любое мое возражение наверняка найдется

хитрый ответ, подводящий меня к тому, что спать с тобой надо, да? – снова вздохнула я, просто отказываясь быть сейчас втянутой в спор.

– Василек, во-первых, если дойдет до секса у нас, то по-верь, определение “спать” и “надо” под это абсолютно не подойдет. А во-вторых, я тебе предложил поехать ко мне, потому что это близко и мы можем на целый час раньше упасть и вырубиться, а вот про секс – это ты сама додумала. Ай-яй, какая порочная сладкая девочка!

Я уставилась на него, опешив и почувствовав себя душой озабоченной, которую на этом и поймали.

– То есть ничего такого ты не планировал?

– Люськ, отучайся пользоваться размытыми определениями типа этого “ничего такого”, а то однажды согласишься и не будешь и сама знать на что. Но насчет потрахаться: я совсем-совсем не хочу исполнять роль твоей живой батарейки, тем более подменять на этой должности муд... Волхова. Великодушно готов оставить ему эту нишу в твоей жизни, раз уж так исторически сложилось, тем более, это вряд ли надолго. У нас с тобой, малыш, все будет по-другому. Мы разворотом станем заниматься для удовольствия и совершенно осмысленно, наслаждаясь каждой минутой в обществе друг друга, а никак не ради судорожной дозаправки.

Мне стало... ну странно как-то, и я даже разозлилась. Или не я, а нечто во мне. То, что действительно в этой “заправке” и нуждалось.

– Боишься, что я многовато с тебя потяну? – Мой голос прозвучал неожиданно раздраженно и язвительно. Ну точно как у отвергнутой девицы. – Твоя широко рекламируемая щедрость на энергию не распространяется?

– Моя щедрость поистине не знает границ, но еще и самолюбие безмерно, Люся, в чем сознаюсь как на духу. Стать твоим любовником я готов в любую секунду – только позови или даже не прогони, когда сам сунусь, но быть **ВТОРЫМ** источником энергии – не-а.

Офигеть! Ладно там романтика, но и о закрытости отношений никто речи, выходит, не ведет? Хотя... Волхов тоже с этого начинал, и недолго мы просуществовали в статусе пары. И суток не продержались.

– То есть ты спокойно готов относиться к тому, что я спа... занималась бы сексом и с тобой, и с ним?

– Сексом ты займешься со мной. Без “бы”, василек. А с ним у тебя всего лишь поглощение с твоей стороны и нечто вроде наркотической зависимости с его.

– Получается, я вредила бы ему, если бы мы и дальше?..

Пофигистическое выражение лица у Лукина как ветром сдуло, темные глаза в отражении сверкнули гневом.

– Он не наивный юноша, случайно попавшийся тебе в момент потребности или тобой соблазненный, пошел на это нарочно и точно зная, что делает. Наверняка до хрена возомнил о себе и рассчитывал “прикормить” твою силу, таким образом привязав к себе, и получить влияние. И задолбало

меня уже о нем говорить, Люська! – откровенно зарычал на меня он. – Просто скажи, мы едем ко мне на дачу отлежаться или тебя везти напрямиком к нему?!

– Вези меня домой! – практически огрызнулась я.

– Ну... тоже вариант, кстати, – одобрил ведьмак, становясь опять прежним добряком мгновенно. – Дом тебя подпитает, хоть и не так моментально. Умница ты моя, василечек. Это я к тому, что правильно ты жандарма своего бросила. Найдем мы тебе новых “батареек” сколько хочешь. Одноразово использовать даже круче, можно брать больше.

Он открыто снова демонстрировал довольство ситуацией, вырывая с обочины. А вот мое раздражение никак утихать не хотело, наваливаясь вкупе со все возрастающей усталостью. Это было похоже на кипение жидкости на слабом огне. Не бурлит ключом, но и кипеть не прекращает, температура не падает никак. Я потерла заломившие виски, пытаюсь избавиться от ощущения давления на голову.

– Ты слишком обо мне хорошо думаешь, – пробормотала в ответ. – Бросил меня он сам.

Данила шумно выдохнул, почему-то мигом мрачней, но никак это не прокомментировал, и до моего дома мы доехали уже молча. Я даже задремывать начала, поддаваясь окончательно усталости, и пропустила момент, когда доехали, вскинулась, стоило ведьмаку открыть мне дверь.

– Во сколько завтра стартуем на твою историческую родину? – спросил он, подавая мне руку.

– Стартуем? Мы? – изумилась я. – Я не планировала тебя...

– Василек, ну не тормози. – Он помог мне выбраться из машины, но совсем не торопился отступить в сторону или отстраниться, и мы стояли как-то совсем уж близко. Его губы как раз перед моими глазами, дыхание щекочет лицо. Так просто податься самую малость вперед и... И я этого хочу? Хочу. Что-то во мне. Это как испытывать жажду и смотреть на воду, поднесенную к самому твоему рту. Искушение. Вот же засранец! – Ты чувствуешь себя достаточно опытной и защищенной подлунной, чтобы позволить себе далекое путешествие, зная о наличии у тебя во врагах целого ковена ведьм? Или о них ты внезапно забыла? Поверь, они о тебе – нет.

– Не забыла. – Я сделала над собой усилие и мягко оттолкнула ведьмака, отворачиваясь, а и так не самое радужное настроение окончательно упало в зону сплошного мрачняка. – И что же, ты предлагаешь мне услуги магического бодигарда? И какова их стоимость? В долги меня пытаешься загнать?

– Херня! – Данила извлек с заднего сиденья сумку с моими обновками и пакет с мокрым. – Я намерен сохранить мой возможный и чрезвычайно интересный бизнес актив, или как там эта хрень сейчас обзывается. Короче, если ты погрешь, то я потеряю будущую возможную прибыль от твоих способностей. И не дурак ли я буду при этом?

– А еще тебе сто процентов хочется узнать, что же я за зверь такой и от кого происхожу, так?

– Одно другому тут никакая не помеха.

– И как же это ты бросишь все свои суперважные дела на несколько дней?

– А ты намерена загоститься подольше у родных? Думаешь, тамошний домовик будет рад нашему присутствию?

– Вот блин! – Я вспомнила, как реагировал на мое присутствие после пробуждения сил домовою на съемной квартире. Не хватало еще такого же ночного разгрома с попыткой удушения во сне и в маминой квартире. И может мне Альку тогда с собой взять, а то кто же меня защитит, как в прошлый раз?

– Вот ты у меня еще наивны-я-а-а! – протянул довольный собой ведьмак. – Чего перепугалась? Научу я тебя, как подлизаться к этой нечисти домашней, Люсь. Так что по-любому меня надо брать. Тем более, ну вот на чем ты ехать собиралась? На поезде небось? А там так-то тоже своя нечисть скандальная имеется. Туда в основном овинники откочевали, которые обиталищ лишились, как города разрослись. С ними тоже подлунным договариваться приходится, а то приедешь без половины вещей или еще чего похуже. И это не говоря уже о твоей полной незащитности от дистанционного нападения в пути. А вот со мной ты будешь доставлена на место в безопасности, с комфортом, на красивой и комфортабельной иномарочке. Заодно и подружкам всяким нос

утрешь, хвостанешь, что в городе мужика себе отхватила богатого, красивого и с большим...

– Стоп! Все, убедил. Выезжаем завтра... ну, скажем, в десять. Нормально?

– Ну, раз на приглашение в твою постель мне рассчитывать не приходится... – скорчил ведьмак горестную физиономию.

– Данила, ну какого черта! – возмутилась я уже на пороге. – Ты сам сказал, что не хочешь быть моей батареей!

– Вот! – воздел он указующий перст к своду прохода. – Говорю же: порочная ты девушка, Люся! Я место поспать просто попросил, а ты сразу готова накинуться на меня беззащитного!

– Да ты достал! – зарычала я, разворачиваясь, но хитрый ведьмак закинул сумку в дверной проем и отскочил подальше быстренько, хохоча.

Пошел к выходу из-под арки, но тут же затормозил.

– Люськ, номер мой забей себе! – велел он обернувшись и быстро продиктовал цифры, которые я и записала. – Все, на связи!

– Хозяйка-а-а! – уже почти привычно кинулся навстречу Алька. – Вернулась, родименькая! А этот ащеул-пустоплеть опять тебе душеньку на кулак наматывал да удом своим препоганым бахвалился? Ух я бы ему!.. Ты только прикажи, и я ему в кофей его такого наболтаю в другой раз... до Пасхи не разогнется!

– Да нормально все, Алька, – потрепала я слугу по макушке. – И я же велела тебе больше на ведьмака бочку не катить.

– Чегой?

– Не надо с ним ругаться, и гадостей тоже никаких не делай. Он вроде как пока нам друг.

– Ой, хозяйка, с такими друзьями врагов не надо, но то не моего холопьего ума дело, да? – И он заискивающе заглянул мне в лицо снизу красивыми глазами французской звезды. Ох и подлиза.

– Алька, у нас поесть есть что?

Стоило только порог переступить, и жуткая усталость свалилась с плеч, как если бы была свинцовым одеялом, и тут же ожил пустой желудок. Не соврал Данила насчет подпитки сил домом. Ах, да, врать же у подлунных не принято друг другу, так что тут правильнее говорить “не умолчал”.

– А как не быть? Ты ж не распорядилась, чего кашеварить, вот я и решил плова наготовить. Угадал?

– Угадал. Мне сейчас хоть что, лишь бы съедобно, а потом под душ и спа-а-ать.

– Я старался, каждую крупиночку перебирал, мясо в семи водах мыл, травы духмянные самые лучшие выбирал... – Алька, затопавший впереди меня, насупился и забухтел себе под нос. – А вишь оно чего... лишь бы съедобно...

Я решила никак не реагировать его бубнеж. Вот поем, похвалю, и отойдет. А то сейчас только поддайся на его нытье, и он лишь сильнее разойдется.

– А нам так-то харчи скоро надобно бы закупить, хозяйка, – не получив от меня желаемого отклика, слуга живо смеялся ему. – А то закончатся скоро.

– Сам меньше жри, вот и не кончатся быстро, – пробасил невесть откуда появившейся у стены Никифор, что поклонился мне. – Здрава будь, хозяйка! С возвращением тебя!

– Ах ты... – Алька покраснел, мигом заводясь, но тут же зыркнул на меня, видимо, вспомнив запрет на ругань. – В самого как только столько лезет-то! Утроба бездонная!

– Так, перестаньте! Ты мне, Алька, напиши, сколько чего надо, у меня деньги пока есть, закупимся. – Хотелось бы мне побольше родным отвезти, но не заставляй же и домочадцев своих потусторонних голодать. – Посчитаю, поделю, что на что, а дальше заработаем.

– Кхм... – явно озадаченно кашлянул Никифор. – Ты чего же это, пустобрех эдакий, не доложился хозяйке о казне?

– А когда б я смог? – ошетинился в ответ слуга. – Первый раз она вон ветром унеслась отсюда, второй раз измордованная да хворая пришла, поутряне ведьмак этот нагрязнул. Не при нем же добром светить! А ну как потянет чего, ручищи-то загребущие небось, а мы отвечаем за убыль добра хозяйского?

– Вы сейчас о чем? И есть мы будем наконец?

– А ну мухой лети, на стол собирай, баляба зряшная! – прикрикнул на Альку домовой. – А я сам все хозяйке покажу. Эх, вот же баламошка, никакого проку от него в дому!

– Да я тебя... – сжал кулачки Алька, багровея от злости, но я топнула ногой.

– Цыц! Никакого скандала мне тут! Сил нет слушать вас! Алька, еду неси. Никифор, показывай, что хотел, но только по-быстрому.

Домовой удивительно шустро потопал по коридору, делая мне жесты следовать за ним, и через минуту мы очутились в бывшей спальне Рогнеды. Никифор подошел к дальней задрапированной тканью стене и, встав на носочки и вытянув до предела руку, ткнул в нее. Казавшаяся вроде бы сплошной драпировка разошлась в две стороны, являя нам очень массивную даже на вид кованую дверь, что стала медленно открываться. Не дожидаясь полного открытия, домовой скользнул в щель, и через секунду там защелкало и сверкнули искры. А следом зажглись одна за одной штук пять свечей, между которыми шустро перемещался мой домашний проводник, и я таки смогла увидеть комнату где-то три на три метра и ее содержимое.

– О-фи-геть! – протянула я, ошалело моргая.

Глава 10

Мне мигом пришло на ум сравнение с банковским хранилищем. Причем эдаким старым банком, с приличной историей, где добро собирали поколениями. Шагнув внутрь комнаты, я обвела изумленным взглядом полки на стенах, где аккуратными стопочками лежали пачки банкнот разной толщины, заботливо перетянутые шелковыми шнурками. Тысячные, пятитысячные отдельно. Евро и доллары разного номинала тоже рассортированы соответственно, пачки купюр неопознанных мною сходу государств и разной степени истрепанности. Данила сказал, что Рогнеда была старой и небедной ведьмой. Вот это – небедная? А что тогда реально состоятельная? Это же на чем можно столько заработать то? Даже учитывая возраст. Ведь тут только современных денег... блин, да я и представить навскидку не могу сколько. До фиги!

– Бумажки! – широким жестом, но с явным оттенком пренебрежения обвел рукой полки Никифор и бочком придвинулся к одному из сундучков, выстроенных тут на полу вдоль стен, и, распахнув крышку одного из них, объявил уже совсем другим тоном: – Казна!

Мягко блеснули в свете свечей желтым монеты. Золото. Круто. Еще сундучок распахнул усилиями домового свой зев, и оттуда мне подмигнули серебряные кругляши.

– Трофеи! – продолжил демонстрацию ведьминога, а теперь, выходит, моего добра Никифор. Из-под крышки показались кучи колец, цепочек, серег.

– В уплату отданное! – Новый сундучок, и опять куча всяко-разных украшений, завораживающе подмигивающих цветными камнями, которых я прежде и вблизи не видала никогда.

Рука потянулась к лежащему сверху массивному серебряному перстню с овальным камнем густо-синего цвета, но почему-то тронуть его я не осмелилась. Что-то такое неприятное излучалось в пространство от этих безусловно красивых вещей. Красивых и в большинстве своем не новодельных явно. Мне вдруг подумалось, за какие такие услуги они были взяты в уплату? Хотелось бы убедить себя, что, скажем, за исцеление или там за нахождение чего-то потерянного, то есть за добрые дела, но вот то, что я успела уже узнать о мире подлунных, так обмануться не позволяло. Не платят в этой жизни за добрые дела и честную добросовестную службу столь щедро, ох не платят. А трофеи? Уже понимая, что за нравы царят среди нечисти и нелюдей, вряд ли их прежние владельцы выжили после их отъема. Так что... ну как-то “фу“ прямо.

– Закрывай! – велела домовому, махнув рукой, и обратила свой взгляд опять же к залежам купюр.

– Деньги не пахнут, – прошептала себе под нос, представляя, как набиваю этими пачками свою спортивную сумку и

вызываю такси, что сию же минуту увезет меня домой, не дожидаясь утра и ведьмака. А там я вытряхиваю содержимое баула под обалдевшими взглядами мамули и Ленки.

И прощай, долбаная коммуналка, мамины кредиты и пахота до неразгибающейся спины в чертовых теплицах. Я им квартиру в городе купила бы! Большую, чтобы и бабулю с ее котами забрать, и Ленкиного Гуся. И чтобы большой балкон или там лоджия, нравится маме возиться с зеленухой – пусть там ее разводит, чисто для красоты и удовольствия. Хватит, напахалась! Совсем же себя забыла-забросила, пока нас с сестрой поднимала. В городе как поведу ее по салонам красоты и стоматологам, сделаем из моей роднули снова красавицу, да такую, чтобы отец в своих Штатах все локти себе изгрыз. И мужчину ей нормального, глядишь, тут найдем, в нашей-то мухосрани ее ровесники неженатые одно алкашь. А еще Ленку поведу к самым лучшим специалистам. Вдруг есть все же возможность излечить ее глухоту. А если нет, то аппарат ей такой купим, самый-пресамый новейший, а еще...

– Хозяйка! – негромко окликнул меня, уже воспарившую в своих мечтах и планах внезапно разбогатевшего человека, Никифор. – Валандай твой глуподырый чай уже вечерять-то собрал.

– А? – я очнулась, моргнула пару раз, осмотрев свое неожиданное состояние, и пошла на выход, так ничего и не тронув.

Я сначала завтра у Данилы спрошу, можно ли хватать это добро Рогнеды с наскоку, а то мало ли. Вон бабуля нам с Ленкой строго настрого запрещала даже монетки на улице потерянные подбирать, особенно на перекрестках, а бумажные деньги так тем более.

– У-у-уф-ф-ф, вкусно то как! – простонала, откидываясь с полным животом на спинку стула. – Эх, Алька, ты просто мастер кулинарного искусства. Будешь так все время кормить – я разжирею.

– Так то ж к добру, хозяйка, – мигом покраснелся польщенный слуга. – Костями ходить греметь не будешь... Ой!

Он вжал голову в плечи, шмыгнул в угол и там весь скукожился, задрожав.

– Не серчай, хозяйка! Не хотел я обидных слов тебе...

Его перебил громкий звук оповещения о сообщении.

– Алька, я не обиделась, угомонись, – махнула я слуге рукой и взяла гаджет.

Написать мне могли только мама и... Егор. Только зачем бы ему, но однако же...

“Люда, завтра в одиннадцать я за тобой заеду. Будь готова.”

Что, блин?

“Другие планы. Уезжаю” – быстренько отстучала я, почувствовав внезапное возвращение недавней злости и утомления. Будто одно напоминание о Волхове возбудило тот странный голод моей новой натуры.

“Отложи. Так надо.”

Да какого черта вообще!

“Почему?”

“Надо, Люда. Пожалуйста.”

“Кому?”

“Мне. Тебе.”

Меня прямо-таки подмывало взять и набрать его и наорать. Послать и велеть не писать и не звонить мне. Но не дура ли я тогда буду? Точно как те истерички, над которыми мужики прикалываются. Так и услышала Волховское “Ты все еще совершенно не научилась управлять своими эмоциями, Людмила”. И так горько стало, в сто раз горше, чем даже тогда, когда он меня из машины высадил, дав четко понять, что между нами все кончено. Ну и какие тогда теперь “Мне-Тебе”? Но я, конечно же, не позвонила. И не написала “Отвали”. Не отказалась от встречи. Вот что я за слабовольное создание, точно же знаю, что надо так сделать, надо, а не делаю.

Продолжала злиться и пока пила чай, и забравшись в ванну. И на себя, и на Егора, и на свой дурацкий характер, и на гадское нечто, зашевелившееся внутри, так похожее на... надежду.

На что, блин?!

Это его “Мне-Тебе” сто процентов ведь не касается чего-то личного, того, что и поднимает во мне эту смуту. Наверное, что-то по делу. Разбирательство по факту гибели

аж целого шефа спецотдела и самоубийства одновременно его же сотрудницы наверняка началось нешуточное, так что вполне может быть, что меня ждет или допрос, или инструктаж какой-нибудь от Егора. Или вообще прямой наезд с его стороны с обвинением в причастности к смерти Гарпии. Хотя вряд ли. Считал бы так – приехал бы сразу лично, чего встречи назначать, да еще в форме настойчивой, но просьбы, а не приказа. Или это хитрость такая, чтобы и из дома меня выманить, и не дать сбежать? Здравствуй-здравствуй, паранойя!

В ванне я засиживаться не стала, все равно толком не расслабляло. Вода утешающе льнула как-то по особенному к коже, журча едва уловимо в ушах неразборчиво-нежно, но не помогало. Что, физические раны лечить куда как легче, чем душевные? Но откуда рана, Люда? Ведь и не было толком ничего, не было. Ничего не было, а болит же что-то. Вот так же полегчало уже, стоило под крышу дома своего вернуться, так на тебе, майор этот...

– Алька, а у нас вино еще имеется? – спросила слугу, что наверняка трется под дверью, накидывая банный халат, и резко обернулась на тихий скребущий звук позади. – А-а-а-а!

За окном, выходящим на сплошные крыши окружающих домов, темнел чей-то силуэт. Причем он буквально парил там в воздухе, ибо стоять там было не на чем на таком расстоянии от стекла. С перепугу я отшатнулась и ударилась бы

лопатками о дверь за спиной, но ее как раз резко распахнул Алька, среагировавший на мой вскрик, так что я просто шлепнулась на задницу. Больно, между прочим. Слуга, мигом перекинувшийся в меховой клыкасто-когтистый шар, выкатился на середину ванной и зашипел змеей в сторону окна.

– Ах ты шлында заугольная! А ну пшел от нашего дому!

– Кто это? – ошалело спросила я у него.

– Упыриный засланец! Уже сколько часов вокруг стен наших кружит, все чего-то выглядывает, да вынюхивает! – сообщил мне Алька, а парящий в воздухе пришелец меж тем пропал.

– А надо ему чего? – поинтересовалась, поднимаясь с пола.

– Кто ж его, погань вурдалачью, знает-то!

– Ну не просто же так. – Что-то мне это не нравится очень сильно. – Рогнеда вела дела какие-то с этим... он же вампир?

– Ты меня сильно про дела старой хозяйки не пытай, – потупился слуга. – Нам болтать о таком не полагается. Мы преданы тому, кому служим сейчас. Нет прежнего хозяина – нет и дел его, и памяти о нем в наших головах. Скажу только, что Рогнеда с кем только дел тех не вела, лишь бы платили щедро, да гриденты доставляли нужные для ее волшбы. Но тебе в своем доме бояться нечего. Никто, кем бы ни был и какой бы мочью не владел, тебе в своих стенах не страшен.

– А про то, что если вампира пригласишь раз, то потом

станет запросто шастать, правда? – пошла я по коридору, потирая ушибленную ягодицу.

– Не-е-е, брехня все. Ты тут хозяйка. Хочешь – зовешь гостя, хочешь – прочь гонишь, коли не угодил чем. Нет ни у кого власти против твоей воли тут пойти.

– Это хорошо. Так что там у нас насчет вина?

– Какого подать прикажешь: белого, красного аль розового?

– А у нас любое есть? – изумилась я.

– Как не быть! Полный погреб добра этого. Старая хозяйка его ящиками с той своей Хранции и еще с каких-то далее заказывала. Она вино сильно уважала, только больно строга становилась иногда, когда... – Алька опять присел и опасно покосился на меня. – Прости, разболтался я.

– Хозяйка, пришлец к тебе! – домовый снова появился у стены как ниоткуда, напугав меня.

– Тьфу ты, разлямза зряшный! – выкрикнул Алька. – Чего пугаешь-то так!

– А тебе лишь бы пугаться, пресноплюй пустошный, – огрызнулся Никифор. – Глаза разуй и так ходи, вот и не будешь пугаться.

– Никифор, так кто там пришел в такое время? – пресекла я зарождающийся раунд очередных взаимных комичных для меня оскорблений. – Ночь на дворе.

– Не знаю, хозяйка, по чести не сказывал у двери, как положено, только стукнул и велел звать, потому как знает – ты

дома. Невежа эдакий.

– Может, это тот самый вампир? – нахмурилась я. Перспектива опять одеваться и с кем-то общаться не радовала, а уж с кем-то настолько жутковатым тем более.

– Нет, не упырь он, но упырячим духом от него несет знатно. Видать, какой-то их челядин, а может, прокормитель, но не раб кровный точно. Нету на нем ошейника хозяйского.

Мама моя, чего тут только не узнаешь!

– Надо нам все же установить домофон хороший, – ворча, я пошла-таки надеть на себя что-то кроме халата. – С экраном четким. И фонарь повесить под аркой. Хоть смотреть смогу на этих самых пришлецов. Что за средневековье с этими вашими докладами? Блин, Алька, а сумка моя с вещами где?

– Так в чулане она. А вещи я все постирал, посушил, погладил и в шкафу в опочивальне разложил.

– Да мой же ты хозяйюшка! – восхитилась я, доставая с практически пустых полок огромного шкафа свои дежурные штаны для йоги и футболку. – А вещи Рогнеды куда девал?

– Так в гардероб большой снес все. Вдруг тебе чего приглянется, чего же выкидывать, наряды те все ой и дорогие.

Ясно, где-то у нас еще и большой гардероб имеется. Стало быть, этот громадный шкафина, где сиротливо смотрятся мои немногочисленные тряпочки, малый.

Одевшись, я глянула на свои босые ноги, пошевелила пальцами и напялила еще и вязанные носки. Тапки остались

пока на старой съемной квартире, они у меня сильно жизнью потрепанные, и брать их к Волхову я постеснялась.

Сбежала вниз по лестнице, сопровождаемая семенящим рядом Алькой.

– Вот, сюда его веди, коли впустить захочешь. – Обогнав меня, он шнырнул в холле вправо и распахнул дверь, которую я как-то и не замечала до сих пор.

Я заглянула и усмехнулась. Ожидаемо, чего уж. Там была самая настоящая приемная ведьмы, точно такая, как в сериалах принято показывать. Большой стол из темного, почти черного дерева, уставленный сосудами разнообразных форм и цветов, большое сверкающее серебром блюдо по середине, какие-то палочки, мешочки, стопка красочных картинок, скорее всего, какие-то карты. По стенам, затянутым темно-бордовой тканью, чего только не развешано, с потолка тоже куча всего свисает, на полках полно ваз с пучками сухих трав, само собой, свечи и курительницы всяко-разные. Зато никаких окон и зеркал.

– Ага-а-а, – обвела я все быстрым взглядом и зыркнула на свои яркие носки ручной вязки и застиранную футболку. Не вписываюсь я в своем домашнем прикиде в такой антураж, да и пофиг. Я никого не звала так-то.

Распахнула входную дверь и прищурилась в темноту подарочного пространства, откуда на освещенный участок неторопливо шагнул незнакомец. Высокий, широкоплечий, с огненно-рыжими волосами, посеребренными сединой на вис-

ках, и с очень красивым, но почему-то жутко отталкивающим лицом. И с отчетливо видимой дымчатой аурой, пульсирующей вокруг него.

– Доброй ночи, Людмила, – поздоровался он, говоря с едва уловимым акцентом. – Нелегко вас, оказывается, дома застать.

– Доброй. Было бы неплохо и мне узнать, кому же и зачем понадобилось меня заставить. – Мне почему-то очень сильно не понравилось, что ему известно мое имя. Опять Данила кого-то прислал?

– Ну конечно! – улыбнулся пришелец одними губами, продолжая смотреть так тяжело и пристально, что захотелось поежиться, и чуть склонил голову. – Георгий Карелин.

– Георгий Карелин, а дальше? – Наверное, я выдаю свою неопытность в подлунном мире этим вопросом, но хочу знать, с кем имею дело.

– Георгий Карелин, клановый маг, – последовал ответ после полусекундной паузы и нового изучающего взгляда. – Могу я войти?

Глава 11

– Очевидно можете, раз уж дошли сюда как-то, – ответила, отступая в сторону и кивая мужчине. – Хотя я и предпочла бы принимать визитеров в более подходящее для этого время. Например, днем.

– Вы теперь подлунная, Людмила, так что привыкайте к иному графику как самой жизни, так и визитов, – ответил он, входя и с любопытством оглядываясь. – И я много времени у вас не отниму. По крайней мере прямо сейчас.

Я указала ему на открытую дверь в приемную, предпочтя идти сзади. Алька, конечно, утверждал, что ничего он мне не сделает в моем же доме, но мало ли.

В самой приемной визитер продолжил осматриваться, хотя, как мне показалось, уже с гораздо меньшим любопытством, как если бы увидел именно то, что ожидал.

– Я слышал, Рогнеда была очень опытной и сильной ведьмой, – сообщил Карелин мне, останавливаясь у мягкого стула для посетителей и опираясь на его спинку.

Теперь, если я усядусь в хозяйское кресло, мне придется на него смотреть снизу вверх. Может, это и имело какое-то значение, но я устала и мне было плевать. Обойдя стол, я плюхнулась в мягкие объятия мебели и, вздохнув с облегчением, молча уставилась на посетителя, предлагая переходить к делу.

Посверлив меня с десятков секунд пристальным взглядом в ожидании не пойми чего, незванный гость тоже уселся, откинувшись вальяжно и закинув ногу на ногу.

– Очевидно, ваши силы все же оказались больше, если удалось ее одолеть, – продолжил он.

– Если вы ждете от меня какого-либо заявления о размере и мощи моих сил, то напрасно. И давайте вы уже скажете, чего хотите, ночь на дворе и спать хочу. Не привыкла я еще к новому графику, знаете ли.

Может, я была и не очень вежлива, но он мне откровенно не нравился.

– Что же, давайте к делу. Некоторое время назад вы вмешались в течение некоего обряда, в удачном завершении которого я был чрезвычайно заинтересован и теперь крайне расстроен его полным крахом.

Вот оно что. Тут у меня, похоже, как раз тот маг, что помогал с установлением волшебного прикрытия. Как там его бишь? Морока. У меня возник импульс пуститься в отрицание, но ведь лгать друг другу у подлунных не принято или же даже наказуемо, еще не выяснила.

– Не могу сказать, что сожалею, – как можно безразличнее ответила, уже понимая, что сейчас начнется.

– Осуждаете меня за участие в подобном, Людмила? – спросил он, прищурившись, и я почувствовала, что, как ни странно, ему реально интересно.

– Осуждаю, – ответила прямо и уставилась на него, и не

думая скрыть презрение.

– А вы, стало быть, такими методами не пользуетесь? – подался рыжий вперед и хищно дрогнул ноздрями. – Тогда откуда силушка взялась, чтобы всю мою канву порушить?

– Вы же не думаете всерьез, что я стану отвечать вам на этот вопрос? – Я постаралась натянуть маску полной невозмутимости, но вышло ли, учитывая, как я умею скрывать эмоции, не знаю.

– Однажды станете, – усмехнулся Карелин, снова откидываясь на спинку и вроде бы расслабляясь. Что-то это прозвучало как-то о-о-очень нехорошо. Что стану? Кровь лить, как водицу, или на его любые вопросы отвечать? – А пока сообщаю вам, Людмила, что ваше вмешательство никак не изменило моего намерения получить то, что я желал заиметь в результате той многосторонней сделки. А учитывая, как давно и насколько сильно я этого хочу, вам придется мне в этом содействовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.